

18+

Алексей Борисов

Девяносто третий

Алексей Борисов

Девяносто третий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67133565

SelfPub; 2024

Аннотация

В России, взбаламученной реформами, вот-вот начнется решающая схватка между сторонниками и противниками президентской «вертикали». Свобода выбора для всех, включая начинающего репортера из провинциальной газеты, заставляет каждого определиться. Где правда, а где ложь? Остаться в стороне или примкнуть к одному из лагерей? И так ли всё ясно и просто в циничном, безжалостном мире власти? Ответы приходят к герою не сразу, путь к ним оказывается трудным и порой связанным с угрозой для жизни...

Содержание

Пролог	5
Глава первая	7
Диалог-1	37
Глава вторая	39
Диалог-2	61
Глава третья	62
Диалог-3	93
Глава четвертая	95
Диалог-4	121
Глава пятая	123
Диалог-5	144
Глава шестая	146
Диалог-6	164
Эпилог	166
Послесловие	173

Алексей Борисов

Девяносто третий

Девяносто третий

Повесть о свободе выбора

Нам, раз мы эту кашу заварили, нужен теперь не порядочный человек, а такой, который сможет победить.

Роберт Пенн Уоррен

«Вся королевская рать»

Пролог

10 сентября 1993 года, пятница

Лицо человека из самолета показалось ему знакомым.

Немолодой, поджарый мужчина был, как и его спутники, одет в камуфляжный костюм без погон. Он не произнес ни слова за всё время, пока спускался по трапу и садился в поданную к нему «Волгу». Пассажиров на специальном борту оказалось только трое. Смотрелись они, действительно, как люди, собравшиеся на охоту. Ни багажа, ни ручной клади у гостей из Москвы не было.

Начальник охраны сам проследил за тем, как «Волга» миновала КПП и выехала за пределы заводского аэродрома. Автоматические ворота за ней закрылись.

– Всё на сегодня? – спросил дежурный, сделав запись в журнале.

– Вроде да, – кивнул начальник охраны. – Больше никого не ждем.

– Тогда хороших выходных.

По гребню кирпичного забора тянулась колючая проволока. Стену украшала поблекшая надпись «Мы придем к победе коммунистического труда!» Начальник охраны прошагал мимо нее к заводууправлению. Очутившись на рабочем месте, он выдвинул нижний ящик письменного стола и пе-

ребирал старые газеты, пока не остановился на одной из них. Его внимание привлекло крупное фото на первой полосе. Он мысленно сравнил черно-белое изображение с увиденным лицом. Потом снял трубку и набрал номер.

После пятого гудка ответил тихий баритон.

– Слушаю вас.

– Николай Олегович, привет, дорогой! Как хорошо, что застал тебя. Поболтать бы еще разок. О доме, о семье.

– Привет! Я с удовольствием. Когда?

– Минут через двадцать смогу.

– Идет. На старом месте.

Их разговор слышал еще один человек. Он сидел внутри серого здания, которое уже лет шестьдесят занимало добрую половину квартала в центре города. Аппаратура, установленная здесь и работавшая круглые сутки, позволяла скрытно подключиться к любому телефону в радиусе нескольких километров.

Тем же вечером, но чуть позже, о звонке доложили хозяину кабинета на верхнем этаже серого здания. Это известие заставило его задуматься. Говорить со своего аппарата он не стал, а воспользовался обыкновенным таксофоном на пересечении соседних улиц.

– Фёдор Михайлович, надо встретиться...

Глава первая

13 сентября, понедельник

– Ты про колонку не забыл?

– Какую колонку?

– Из комитета по имуществу.

– Как партийцам в помещении отказали?

– Ну да.

– Помню, сдам сегодня.

– Смотри, не подведи, – зам главного редактора Валерий

Тихонович кивнул и опять зашелестел бумагами.

Алексей сделал серьезное лицо и продолжил свой путь к столу шефа. Главный редактор еженедельника «Народная трибуна» сидел в дальнем углу общей редакционной комнаты. Над ним, как икона, висел портрет Михаила Сергеевича Горбачева. Стол и приставная тумбочка были, как всегда, завалены еще не прочитанными материалами и рукописями внештатных авторов. Шеф по привычке мял пальцами незажженную сигарету, держа ее на уровне лица. Крошки табака попадали ему в бороду, падали на какой-то документ с фиолетовой печатью.

– Добрый день, Станислав Петрович!

– Привет, привет, – пробормотал шеф, пожимая Алексею

руку.

Портрет первого и последнего президента СССР имел свою историю. Шеф купил его в магазине канцтоваров на Крещатике 19 августа 1991 года, услышав по радио о создании ГКЧП¹. Станислав Петрович ездил тогда в Киев к родственникам. Покупку он нес перед собой, как на демонстрации, и толпа молча расступалась перед ним. Когда революционные страсти утихли, Михаил Сергеевич занял свое место в редакции. Вешать рядом с ним портрет Ельцина шеф не стал.

«Наш крестный отец», – пояснял Станислав Петрович, указывая на главу бывшего Союза. Доля истины в его словах, безусловно, была. Еженедельник, как и масса других непартийных и негосударственных газет, появился на свет благодаря закону о печати, принятому при Горбачеве. В полном наименовании «Трибуны» гордо значилось слово «независимая».

– Все явились?

– Все. Четырнадцать ноль-ноль, можем начинать, – бойко отозвался Валерий Тихонович.

– Кто обзревает? – спросил шеф.

Обозревал старший корреспондент Авдеев, перешедший в «Народную трибуну» из многотиражки производственно-

---

¹ Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП) провозгласил себя «органом для управления страной», одновременно объявив о переходе полномочий президента СССР к вице-президенту Геннадию Янаеву. После провала путча члены ГКЧП были арестованы и преданы суду.

го объединения «Экскаватор». Он взял свежий номер, нацепил очки и добросовестно принялся за дело, отмечая достоинства и недостатки всех публикаций подряд.

Алексей слушал его невнимательно. На своих первых планерках он благоговейно относился к этой церемонии, потом научился отделять главное от второстепенного. В отличие от других коллег, работал он не с первых дней от основания газеты, но успел обрести несколько особый статус.

Деление на отделы в редакции было условным, однако старшие корреспонденты, которые считались их заведующими, получали больше, чем обычные репортеры. Имелось лишь одно исключение: главный редактор одновременно руководил отделом политики, и Алексей под его началом носил звание специального корреспондента, с окладом как у заведующего.

– ...неплохо потрудились наш отдел культуры. Сам я не великий музыкант, но репортаж о гастролях группы «Лепрозорий» написан очень живо, доходчиво, – продолжал свой рассказ Авдеев.

Алексей выразительно посмотрел на Юлию Абрамцеву, отвечающую за культурные новости, а также за неформалов, экстрасенсов и прочую экзотическую публику. Он глядел в ее большие карие глаза до тех пор, пока она не приснула.

– Друзья мои, давайте серьезнее, – немедленно отреагировал Валерий Тихонович, покосившись на Алексея.

К новому сотруднику он относился с некоторой ревно-

стью. После первых же успехов специального корреспондента на творческом поприще довольный Станислав Петрович имел неосторожность во всеуслышание объявить, что молодежь когда-нибудь придет на смену старикам. Зам главного редактора, которому оставалось лет шесть до пенсии, напрыгся. Самому шефу летом стукнуло тридцать девять.

– ...подытоживая сказанное, хочу отметить: по-прежнему мало внимания уделяем экономике, – сказал Авдеев и сдернул очки с носа.

– Экономика у нас в загоне, – с печалью в голосе подтвердил главный редактор. – Я читаю письма, и народ вообще не улавливает, что происходит. Идет приватизация, а кто-нибудь знает, как она идет? Вот ты, Карпова, куда вложила свой ваучер²?

Лариса Карпова, корреспондент без приставки «старший», вздрогнула и перестала шушукаться с соседкой.

– Я свой мужу отдала, – доложила она.

– Так вот всё и происходит. Кто мужу отдаст, кто внучке, кто Жучке. Безответственность, – обрисовал ситуацию шеф.

– Петрович, да некогда мне вникать. То строчки гнать надо, то в школу вызывают. Мой охламон совсем учиться не хочет, – попробовала оправдаться Карпова.

---

² Ваучер (правильное название – приватизационный чек) был введен в действие согласно указу президента РФ от 14 августа 1992 г. Его номинальная стоимость составляла 10 тысяч рублей. Реальная рыночная стоимость пакета акций, на которые можно было обменять ваучер, зависела от конкретной компании и региона.

– Про то, как ты строчки гонишь, мы отдельно поговорим, – пообещал Станислав Петрович.

Карпова вызывающе подкатила глаза к потолку и ничего не ответила.

– В очередной раз призываю всех задуматься, – продолжил шеф. – На дворе капитализм, а значит, конкуренция. Конкуренты не дремлют. «Вечерний город» видели? Поднимите руки, кто постоянно читает.

Поднялись две руки.

– Печально. Вы журналисты, блин, а других газет не читаете.

– Чукча не читатель, чукча писатель, – попытался пошутить Авдеев.

Шеф шутку не воспринял.

– Так и есть. Чукчами скоро станете. Встряхнитесь!

Коллектив помолчал, вероятнее всего, мысленно встряхиваясь. Алексей продолжал пристально смотреть на Юлию, отчего та смутилась и перевела взгляд себе под ноги.

Шеф обреченно выдохнул.

– Давайте свои темы. У кого что есть?

Коллеги тоже выдохнули и зашевелились, зашуршали блокнотами. Авдеев заявил очерк о выдающемся земляке, мастере-краснодеревщике, и репортаж о грибных местах в пригородной зоне. Корреспондент Лысенко выразил желание поведать миру о том, как выступает местный футбольный клуб и каковы его шансы удержаться в первой лиге. Вто-

рой темой у ценителя футбола оказалось состояние дел на овощной базе.

– На базу вместе поедем. Договаривайся, – дал команду шеф.

Экономически безграмотная Карпова пообещала сдать интервью с директором жилищно-коммунального предприятия, которое обосновалось в одном здании с редакцией. Главный редактор издал легкий стон.

– Ты сколько будешь его мусолить? – спросил он.

– Да он от меня бегаёт, паразит, – огрызнулась Карпова.

– Если бегаёт, лови. Что с культурой?

Юля развернула свои записи.

– Во-первых, приезд группы «Горько!»

– Которая про свадьбы поёт? – поинтересовался Лысенко.

Он уже отмучился и чувствовал себя свободнее.

– Нет, про свадьбы другая. У этих патриотическая тематика, считаются очень перспективными, – совершенно серьезно ответила Юля.

– Патриотическая – это хорошо, – прокомментировал шеф.

– Во-вторых, хочу написать о сторонниках отца Авессалома...

– Которые в простынях ходят, как привидения? – снова встрял Лысенко.

– Это – секта святой Марии-Луизы, – со знанием предмета поправила его Юля.

– Свят-свят! – перекрестилась Карпова.

– Напомни, что у них там, – попросил Станислав Петрович.

– Они сейчас проповедуют движение на Восток, к подлинным корням Евразии. Авессалом основал поселение под Ачинском. Говорят, уже много народа переехало. Скоро и к нам явится, – залпом выдала Юлия.

Шеф слегка поморщился.

– Юлия Александровна, ты пиши, но не увлекайся. Помни все-таки, что за тобой отдел культуры, а не чертовщины всякой...

После планерки коллектив дружно отправился на перекур. Вдыхание никотина происходило в конце коридора, у балконной двери. Окурки бросали в консервную банку из-под зеленого горошка, стоявшую на батарее. Алексей вышел вместе со всеми, хотя не курил.

– Петрович, ну не мое это, ты же знаешь, – совсем по-свойски развила тему Карпова. – Передовики производства, люди труда – это на здоровье, а в макроэкономике я не сильна.

– Привыкли на своих заводах сидеть, чай распивать, – не сдавался шеф, но тон его сделался мягче.

Почти все сотрудники «Народной трибуны» прежде трудились на заводах и фабриках, а точнее, в печатных изданиях при них. Ветер гласности и свободы сорвал их с наси-

женных мест. Змеем-искусителем выступил сам Станислав Петрович, которому до тошноты опротивело сочинять выступления передовиков соцсоревнования. Средства на новую, раскрепощенную газету изыскал его приятель, кооператор, а затем коммерсант Хромов, гонявший какие-то фуры в Польшу и обратно. Всю смету он, правда, не потянул, но шеф уломал стать вторым учредителем главу администрации Заводского района. Глава как человек старой формации не вполне понимал, зачем ему газета, однако денег периодически подбрасывал.

Эффект новизны сыграл свою роль. Тираж «Трибуны» рванул в гору со страшной силой. Свежие номера в киосках не залеживались. Журналисты, сбросившие оковы цензуры, писали буквально всё, что в голову взбредет. На первых порах не стеснялись ставить и скандальные перепечатки из столичной прессы. Кроме того, у горожан разных возрастов стремительно завоевали популярность объявления о знакомствах.

Впрочем, Алексей появился в редакции, когда пик успеха уже был достигнут. Тираж еще оставался рекордным, но расти перестал. Розница уменьшилась, выручала подписка. Станислав Петрович бился за нее, как былинный Илья Муромец. Ради этого приходилось не только махать мечом гласности, но и кланяться руководству разных предприятий и учреждений.

Потихоньку стало меняться лицо издания. Шеф очень бо-

лезненно перенес январь девяносто второго³. Сам он, насколько знал Алексей, не имел астрономического счета на сберкнижке, то есть в финансовом смысле от «шоковой терапии» пострадал мало. Скорее, сказалась его эмоциональная восприимчивость. На фоне массовых воплей и стонов о конечной гибели русской земли Станислав Петрович постепенно, шаг за шагом, двинулся в сторону просвещенного патриотизма.

Что это за зверь такой, он и сам не вполне четко представлял. Просто к тоске по накрывшейся державе примешивалось смутное чувство социальной справедливости. Профессиональная привычка читать письма, доставляемые в газету, тоже влияла на сознание редактора. Алексей, как представитель иного поколения, к эпистолярному жанру относился критически. Шеф же, видимо, слишком долго просидел в многотиражке мебельного комбината.

– Возьми последний номер «Вечорки», оцени, – посоветовал он Алексею и выпустил клубы дыма. На столе у меня лежит, под стихами.

– Что с поэтами-то будем делать? – вмешался в их разговор Валерий Тихонович, прикуривая у начальства. – Одного опубликуем, другие прохода не дадут.

Станислав Петрович, выпуская дым, помолчал.

---

³ Реформа экономики и государственного управления в России началась 2 января 1992 г. Ее автором был заместитель председателя правительства РФ Егор Гайдар. Обязанности премьер-министра в тот период взял на себя президент Борис Ельцин.

– Не знаю. Забодали меня, если честно. Шлют и шлют.

– Знают твою доброту, – ввернул зам редактора.

– Посмотрим, – односложно ответил ему шеф и снова обратился к Алексею. – «Вечорка» в три цвета теперь печатается, обещает на полноцвет перейти.

– Ой, не верю! – покачал головой Валерий Тихонович. – Нет такой типографии у нас в области.

– Из Москвы тираж повезут? – предположил Алексей.

– Что ты! Дорого, – махнул на него рукой многоопытный зам.

– Дыма без огня не бывает. Я Пышкина хорошо знаю, – гася окуроч, проговорил шеф.

Разбитной и на редкость компанейский Саня Пышкин был главным редактором «Вечернего города», а также депутатом горсовета. В депутаты он угодил прямо со студенческой скамьи, бурно отстаивая идеалы перестройки. Его «Вечорка» была образована годом позже «Народной трибуны», однако шустро набирала темп.

– Отдел расследований создали, так-то. Еще нам нос утрут, – без радости поведал Станислав Петрович.

– Если не сопьются раньше, – хмыкнул его зам.

Курилка постепенно опустела, остались шеф и Алексей.

– Туговато с учредителями? – напрямую спросил спецкор.

– Не то слово. Всем прибыль подавай, а откуда у нас прибыль? Расходы одни.

– А если других поискать?

– Где? «Новым русским» мы не очень-то интересны. На фига им наши грибные места с проповедниками?

– Есть еще политики.

– Они как раз по твоей части, – усмехнулся редактор. – Ты интервью доделал?

– Додельваю. В командировке человек, сможем только в среду ему показать.

– Сначала мне покажи.

– Хорошо, – сказал Алексей, обычно ничего заранее не показывавший.

– Надо самим коммерцией заниматься, – повторил шеф в десятый раз за месяц. – Я надеялся, что Тихонич этот воз потянет, но он что-то никак.

Алексей не без труда смолчал. Валерий Тихонович, по сути, только расписывал гонорары да ездил в типографию при сдаче номера. Еще периодически давал советы ответственному секретарю насчет верстки полос. Предпринимательских талантов, даже в зачаточном состоянии, в нем выявить не удалось.

Шеф повертел и водрузил на место банку из-под горошка.

– В общем, давай, пиши, – сказал он.

Колонку в номер Алексей накатал минут за сорок. Фактура уже была собрана и, как выражался Станислав Петрович, пропущена через себя. Дело было ясное: комитет по имуществу дал от ворот поворот политическим партиям, кото-

рые просили выделить им помещения под офисы. Отказали и монархистам, и анархистам. Сначала, впрочем, собрали в кучу все прошения, поманили какой-то развалюхой на окраине, а потом кинули всех всё равно. Председатель комитета от комментария уклонился.

Алексей перечитал текст, мысленно проговаривая его, потом вывел заголовок «Эта бездомная, бездомная... многопартийность» и отнес листы машинистке Тоне. Та ловко управлялась с электрической печатной машинкой «Ятрань», которая гудела, как боевой вертолет. В редакции давно мечтали о компьютерном наборе, но денег на современную технику не хватало.

– Красивый у тебя почерк, одно удовольствие за тобой печатать, – отпустила комплимент Тоня. – Не то, что за некоторыми.

– Шесть месяцев практиковался в роли художника-оформителя, – ответил ей Алексей.

– Во время учебы подрабатывал?

– Нет, за солдатскую получку, в армии.

– О, большим человеком был!

– Незаменимым, – уточнил Алексей, улыбаясь.

Дальше дорога его лежала на троллейбусную остановку и в центр. Как обычно в понедельник, надо было забрать копии официальных постановлений. К этому маршруту он уже успел привыкнуть, как и вообще к редакционной жизни. Свою собственную жизнь без журналистики Алексей те-

перь совсем не представлял. Между тем, его занесло в нее совершенно случайно, благодаря шапочному знакомству со Станиславом Петровичем. Тот разок-другой предложил написать что-нибудь, а потом вдруг позвал в штат.

Специального образования у Алексея в тот момент не было. Собственно, не было никакого, так как он учился на пятом курсе университета. Готовился стать историком, то есть будущее его ждало довольно смутное. За четыре года он не открыл в себе склонности к преподаванию, как ни старался, а вузовская научная деятельность на глазах становилась синонимом прозябания.

Так что попадание в «Народную трибуну» Алексей не без оснований считал удачей. Получив в июле диплом, он со спокойной совестью положил его дома на полку. Шеф, кстати, тоже начинал трудовой путь далеко не с журфака. Он был выпускником мореходного училища и даже успел послужить на судах торгового флота.

Мэрия города квартировала в старинном особняке с каменными львами на фасаде. Особняк до революции принадлежал купцу первой гильдии Амфитрионову, меценату и покровителю изящных искусств, позднее его потомкам, а затем был конфискован властью рабочих и крестьян. До мэрии здесь находился горисполком, который, строго говоря, в мэрию и мутировал.

На входе недавно выставили милицейский пост, и Алек-

сею пришлось предъявить удостоверение журналиста. Первой, кого он узрел в протокольном секторе, была Таисия Полуэктовна.

– А-а, снова пресса к нам пожаловала, – произнесла она с оттенком иронии в голосе.

– За ценной информацией, – в тон ей ответил Алексей.

Таисия Полуэктовна была мамой его однокурсницы Анжелики, девушки одаренной и загадочной. Анжелика беспощадно грызла гранит науки, ее конспекты всегда были в идеальном порядке, и порой казалось, что никакие другие мысли в принципе не посещают светлую голову круглой отличницы. В твердой уверенности насчет ее непоколебимости Алексей пребывал бы и по сей день, если бы не вечеринка по случаю выпуска.

На той вечеринке, где было смешано и выпито множество алкогольных коктейлей разной крепости, Анжелика вдруг проявила к Алексею столь неподдельный интерес, что прямо ошеломила его. Под воздействием фактора неожиданности он удержался от встречных телодвижений. В противном случае, как оценил ситуацию его приятель, дело точно дошло бы до греха.

После того события Таисия Полуэктовна постоянно бросала на Алексея красноречивые взгляды, словно со дня на день ждала сватов. Сегодня, кроме взглядов, внимание специального корреспондента привлекла ее прическа фасона «Пизанская башня».

– А где же наши бумажечки? – очень любезно спросил Алексей, не меняя темы разговора.

– Елена опять куда-то задевала, – развела руками заведующая сектором.

Она переставила на подоконник стакан с подстаканником и почти по-семейному прибавила:

– Ты посиди, не спеши.

Алексей фальшиво улыбнулся, осознавая, что без потерь ему из ловушки не выбраться. К счастью, выручила соседка Таисии Полуэктовны. Елена, помощница мэра по связям со СМИ, делившая кабинет с мамой неукротимой Анжелики, вбежала энергично и без стука.

– О, салют! – выпалила она. – Ты за постановлениями?

– Да! – радостно отозвался Алексей, отрывая пятую точку от стула.

– Держи. Сегодня мелочевка всякая: отсрочка приватизации буфетов, назначения в комитете по благоустройству и озеленению... Короче, сам потом разберешься, – Елена сунула ему пачку ксерокопий и схватила со стола зажигалку.

– Я с тобой на пару слов, – мигом нашелся он. – До свиданья, Таисия Полуэктовна. Анжелике привет!

Вслед ему безмолвно качнулась, но устояла «Пизанская башня».

«Долой советскую власть!» – гласил основной плакат. Второстепенные призывали позор на головы большинства

народных избранников, а также персонально Хасбулатова, Руцкого и Зорькина⁴. Пикетчиков, которые держали их на палках или просто переминались с ноги на ногу, было человек одиннадцать-двенадцать. Мэрия позволила им отвести душу возле своего крыльца. Надо отдать ей должное, в таком праве она вообще никому не отказывала.

– Подпишитесь за роспуск съезда⁵ и Верховного Совета, – дернула Алексея за рукав какая-то женщина.

Глаза ее горели, как огни пожарищ.

– Извините, я журналист, – ответил он.

– Тогда напишите статью про нас!

Пробормотав в ответ что-то неразборчивое, он деликатно отодвинулся в сторонку. Чуть поодаль от пикета виднелись знакомые личности. Огненно-рыжей растительностью на лице выделялся депутат Харченко. К тем, кто заслуживал позора, он не относился, так как входил в состав демократической фракции. Местом приложения его сил был городской Совет. Харченко рассуждал, кажется, об организации массовых мероприятий. Алексей уловил концовку его речи.

---

⁴ Руслан Хасбулатов, Александр Руцкой и Валерий Зорькин – в сентябре 1993 г. соответственно – председатель Верховного Совета, вице-президент РФ и председатель Конституционного суда. Хасбулатов и Руцкой активно выступали против курса Ельцина, а Зорькина сторонники президента обвиняли в симпатиях к оппозиции.

⁵ Съезд народных депутатов России – высший орган государственной власти. Согласно конституции, имел право принять к рассмотрению любой вопрос, включая внесение изменений в саму конституцию.

– ...элементарно подтягиваются студенты, элементарно за пиво. Столько, сколько нужно, и всё! Проблемы с массовой я вообще не вижу, – чеканил он, помогая себе правой рукой.

Его собеседник миролюбиво улыбался. Был он тоже из горсовета, но предпочитал молчать, нежели говорить.

Алексей зашел обратно в купеческий особняк и позвонил с вахты в редакцию.

– Тридцать строчек на вторую полосу, – ответила на его просьбу ответственный секретарь Светлана Анатольевна. – Больше дать не могу.

– Плюс фото? – жизнерадостно подхватил он.

– Лёша, ну куда я это втисну? – застонала она.

– За счет постановлений, а? Ну ведь живая жизнь...

– Уговорил. Но ни строчкой больше!

Воротившись к месту действия, Алексей живо подкатился к знакомому фотографу Васькину.

– Для «Привратника» снимаешь?

– И для «Вечорки» тоже, – без тени радости реагировал Васькин, наводя объектив на женщину с горящими глазами.

– И для нас снимешь?

– Тариф помнишь? – спросил Васькин, фиксируя очередное мгновение.

Алексей подтвердил, что помнит.

– Фото завтра будет. Позвонишь с утра.

– А кто с тобой от «Вечорки»?

Васькин мотнул головой куда-то в пространство. Алексей

повернулся в указанную им сторону и увидел Марину. Они были знакомы по нескольким общим посиделкам в редакциях и у коллег на дому. В отличие от него, Марина летом окончила журфак и сразу влилась в состав «Вечернего города». Выкрашенная под ослепительную блондинку, она немного настороженно смотрела на происходящее. Как будто ее выкрасили не так, как ей хотелось. Или как будто размышляла о чем-то постороннем, решил Алексей.

На приветствие Марина отозвалась чуть рассеянно, словно подтвердив его версию.

– Поздравляю с повышением! – сказал он.

– С каким повышением? – не поняла она.

– Разве не ты заведомо расследований? В выходных данных опечатка?

– А, это... Пока только планы, я в отделе одна. Поживем – увидим.

– Но планы-то грандиозные?

– Более чем.

– И основания есть? Колись.

Марина улыбнулась, хотя без энтузиазма.

– Вроде есть. Пышкин нашел новых инвесторов. Какие-то бывшие комсомольцы, ныне миллионеры. Торгуют с Чили. Или с Аргентиной.

– Ого! Чем торгуют?

– Понятия не имею.

– А где сидите?

– Там же. Гостиница «Ливерпуль».

– Памятник старины. Зарплаты хотя бы ничего?

Марина озвучила цифры. Алексей тихонько свистнул.

– Мне сначала меньше платили.

– Твой шеф непрактичный.

– Кто сказал?

– Пышкин так говорит. Но вообще по-доброму к нему относится.

– А к тебе?

Подвох не удался. Марина посмотрела вдаль сквозь собеседника и по-прежнему ровно ответила:

– У нас отношения чисто служебные.

«Чили с Аргентиной... Однако! Умеет коллега Пышкин договариваться, не поспоришь». Переваривая полученные сведения, Алексей вошел в главный подъезд огромного желтоватого дома на площади. Дом начинали строить в имперском стиле в конце сороковых, но после развенчания культа личности проект радикально упростили, борясь с архитектурными излишествами. Размах, невзирая на это, ощущался. В здание целиком влезали обе ветви областной власти, и не только они.

Выйдя из кабины лифта на шестом этаже, Алексей свернул в правое крыло. Минувя апартаменты губернатора, он покосился на двустворчатую дверь с табличкой. Поверх пластика блестела искусственная позолота. В коридоре с высо-

ченным потолком было пусто и тихо. Глава региона, возможно, куда-то уехал или проводил совещание. В обоих случаях Алексею ничего не светило, ибо личный пресс-секретарь Якова Александровича, Маргарита Викторовна, безотлучно находилась при его особе. В любое другое время дозвониться ей в кабинет было практически невозможно.

Яков Александрович слыл народным губернатором, и это определение в целом соотносилось с его имиджем. Роста он был среднего, внешности неброской, изяществом манер не отличался. Во власть пришел без выборов, по указу президента. Зато именем народа клялся постоянно, даже позволяя себе ругать отдельных молодых министров правительства России. Если верить местным социологам, народу такой стиль руководства нравился. Впрочем, если верить им же, в последнее время губернаторский рейтинг застопорился. Клятвы клятвами, но обещанного улучшения жизни не происходило...

Алексей постучал и прислушался. За дверью кабинета раздался какой-то звук, будто тонко и противно вскрикнула неведомая птица. Алексей постучал еще раз и нажал на ручку. Дверь подалась.

– Войдите! – раздался раздраженный голос.

– Здравствуйте! – вежливо произнес Алексей, переступая порог.

Маргарита Викторовна, чудом застигнутая на рабочем месте, что-то буркнула в ответ.

– Газета «Народная трибуна». За постановлениями, – как всегда, лаконично отрекомендовался Алексей.

Преданная спутница губернатора сморщила ту половину лица, которая была ближе к нему.

– Постановления в приемной, – объявила она в своей особенной манере, точно хотела сказать: «Закрыто на учет», и недовольно передернула плечами.

Снова послышался звук, напоминавший голос вредной птицы.

Алексей изобразил полупоклон и, уже пятясь обратно, спросил:

– Не подскажите, пресс-конференция не планируется?

– Обо всём объявим заранее, не волнуйтесь, – четко и подчеркнуто членораздельно ответила хозяйка важного кабинета, как будто перед ней был ребенок или безнадежно больной.

Выполнив свою миссию, она развернулась в крутящемся кресле, тут же оказавшись к Алексею плечом и всем, что ниже плеча. Кресло под ней буквально взвизгнуло, и он наконец-то сообразил, что за звук раздавался из-за двери, а также после его появления внутри.

Информационная политика по-прежнему была в надежных руках. В приемной, перебрав стопку бумаг, Алексей обнаружил лишь пару документов, предназначенных его изданию. И те касались абсолютных пустяков. «Трибуна» была не в чести у Маргариты Викторовны, несмотря на тираж и

популярность. Такой порядок вещей сложился до появления начинающего журналиста в редакции еженедельника. Почему, он доподлинно не знал, мог только догадываться.

Преференции от губернатора перепали в основном «Привратнику», печатному органу городского Совета. Тот, едва родившись на свет, выступил в авангарде борцов за демократию. Народный губернатор помогал ему любыми доступными способами, еще когда сам был директором завода «Шарикоподшипник». Другим приоритетом главы исполнительной власти стало телевидение. Приняв бразды правления от предшественника, Яков Александрович тотчас облюбывал большую студию государственного канала, откуда методично воспитывал вверенный ему народ...

Мстительно ухмыльнувшись, Алексей прихватил с собой пару копий с надписями от руки «ТВ» и «Привратник». Речь в этих постановлениях тоже шла о чем-то не шибко значимом: кажется, о подготовке к фольклорному празднику и формировании межведомственной комиссии с непроизносимым названием. Но поступить так, а не иначе было для него делом принципа.

Дальше по коридору его встретили радушнее. Приемная и аппарат полномочного представителя президента занимали совсем мало места по сравнению с администрацией. Это не мешало разнообразной оппозиции, которая только водилась в городе, желать их обитателям всего наихудшего. Фи-

гура полпреда сама по себе являлась раздражителем. До краха КПСС он преподавал в университете теоретическую физику и воплощал в себе полную противоположность народному губернатору.

Виктор Евсеевич роста был высокого, осанку имел спортивную, голос зычный, а манеры современные и раскованные. С населением он не заигрывал, напрасных обещаний старался избегать. Казалось, собственный рейтинг его ничуть не волновал, поскольку даже с народным губернатором он время от времени яростно дискутировал. Полпред полагал, что Яков Александрович увлекается популизмом. За такое мнение народный губернатор глядел на него волком.

Помощник полпреда Михаил Евгеньевич Зимин отправлял из приемной факс. При виде журналиста он слегка сконфузился.

– Прости, что одними обещаниями кормлю.

– Ничего, обещанного три года ждут, – пошутил Алексей.

Михаил Евгеньевич рассмеялся.

– На днях исправлюсь.

– Уже и не знаю, что думать, – укоризненно продолжал Алексей. – Мы под вашу статью место держим, самое лучшее.

– Неужто на первой полосе?

– Нет, на развороте.

– А на первую губернатора поставите?

– Учитывая нашу взаимную любовь, скорее, на послед-

нюю. В раздел «Курьезы».

Помощник полпреда снова засмеялся, потерял кончик носа.

– Имей в виду, твоему шефу моя статья может не понравиться.

– Почему?

– Он же патриот.

– А вы нет?

– Видишь ли, – Михаил Евгеньевич сделал паузу, подбирая слова, – мы по-разному понимаем патриотизм. У Станислава идеал России – в далеком прошлом. Самодержавие, православие, народность и тому подобное.

– Не настолько он дремучий человек.

– Пусть не настолько, но к этому неизбежно придет. А вот я в нашей героической истории почти не вижу светлых пятен. Чем гордиться? Вечной отсталостью? Грязью? Крепостным правом? Настоящей свободы здесь никогда не знали. Поэтому и коммунизм так легко утвердился.

– Теперь вы меня простите, – возразил Алексей. – Я всё-таки на историка учился. Как это свободы не знали? А Новгород и Псков? А казачество? А Сибирь, где крепостного права вообще не было? И что значит «коммунизм легко утвердился»? Добровольческая армия не в счет, как и всё Белое движение?

– У казачества, знаешь ли, свои понятия о свободе. Да и белые не очень с народом церемонились.

- По сравнению с красными? Скажите еще, в колхозы всех загнали бы.
- Такого не скажу. В советской деревне я после вуза поработал. Времена были уже другие, ни войны, ни революции, но впечатление осталось тяжкое.
- Только не обижайтесь, но, мне кажется, вы от идеальной схемы пляшете. Не вы лично, скорее демократы в целом, – поправился Алексей. – Но ситуация далеко не идеальная, наоборот, запущенная.
- «Будьте реалистами, требуйте невозможного!»⁶. Помнишь, чей девиз?
- Шестидесятников во Франции?
- Верно. Так вот, если не будем стремиться к идеалу, вообще ни черта не сдвинем. Сожрут нас, и косточки не хрустнут.
- Ой, не знаю...
- А я знаю, – помощник полпреда уже не улыбался. – Ко мне столько информации отовсюду стекается, что тебе и не снилось. Стоит нам оступиться по-крупному, о реформах в стране еще на семьдесят лет забудут.
- Сгущаете.
- Нет. Просто не имею права рассказывать.

---

⁶ Авторами фразы считают студентов Парижского университета Жана Дювиньо и Мишеля Лериса, активных участников беспорядков во французской столице в мае 1968 года. Итогом волнений стал политический закат президента Шарля де Голля. Есть также версия, что эти слова принадлежали писателю и философу Жану-Полю Сартру.

– Но в мемуарах напишете?

– В мемуарах обязательно, – взгляд у Михаила Евгеньевича потеплел. – Извини, бежать надо. Заходи еще, даже просто поболтать.

– Намекните хотя бы, откуда угроза исходит, – беззлобно поддел Алексей.

– Настоящий журналист, хватка есть, – одобрил его настырность загадочный помощник полпреда. – Я только намекну, ладно? Присмотрись внимательнее к Мясоедову.

– К директору «Авиастрою»?

– Да. Всё, спешу.

От желтоватого дома и до остановки Алексей старательно размышлял о последних словах своего собеседника. Юрий Константинович Мясоедов был человеком известным. Под его началом находилось крупнейшее предприятие союзного, а сейчас российского значения – объединение «Авиастрой» имени Куйбышева. Какое отношение Куйбышев имел к авиации, никто не знал, но директор в девяносто первом году наотрез отказался сменить название. Объединение числилось по гражданской линии, во все времена работая на оборону. Из его громадных ангаров выезжали военно-транспортные самолеты повышенной грузоподъемности. Перестройка и конверсия крепко ударили по «Авиастрою», но пока не смогли опрокинуть его. Директор железной рукой удерживал штурвал. Сокращений на предприятии прак-

тически не было. При этом зарплаты рабочих, в сравнении с периодом развитого социализма, хватало лишь на трехразовое питание: в понедельник, среду и пятницу.

Мясоедов никуда не баллотировался, интервью прессе не давал. Тем не менее, он слыл неформальным старейшиной директорского корпуса. Кроме того, до Алексея упорно доходили слухи, что Юрий Константинович помогает реанимированной компартии⁷. Проверить их было крайне трудно: доступ на режимный объект перекрывала вооруженная охрана, а люди из-за забора, беря пример со своего капитана индустрии, предпочитали помалкивать...

Твердо решив заняться этой темой, Алексей переключился на текущие дела и стал смотреть в сторону проспекта, откуда ожидался троллейбус. Внезапно его внимание привлекла новая, как с конвейера, вишневая «девятка», которая прижалась к бордюру за остановкой. Из авто выпрыгнула еще одна его знакомая – Мила Дмитриева, однокурсница и подруга Марины из «Вечорки». Ей галантно помогал, придерживая дверцу и подав руку, подтянутый мужчина в легкой ветровке, джинсах и кроссовках Adidas, на вид примерно лет сорока, без усов, бороды и других особых отличий.

Мила тоже увидела Алексея и на секунду смутилась. Но

---

⁷ Коммунистическая партия Российской Федерации образована в феврале 1993 г. как восстановленная компартия РСФСР, деятельность которой была прекращена указом президента №169 от 6 ноября 1991 г. В ноябре 1992 г. Конституционный суд признал законным создание ее структур по территориальному, но не производственному принципу.

тут же, взяв себя в руки, поздоровалась первой.

– Кого я вижу! Ты откуда?

«Девятка» плавно тронулась с места и укатила, пользуясь зеленым сигналом светофора.

– От твоего непосредственного начальника иду, – сказал Алексей.

– От Михаила Евгеньевича?

– Ага.

Официально оформленная на полставки в некоем товариществе с ограниченной ответственностью, Мила фактически трудилась в аппарате полпреда. Писала пресс-релизы, помогала Михаилу Евгеньевичу готовить какие-то обзоры и справки. Она со вкусом подбирала свой гардероб и умело пользовалась косметикой, привлекая внимание мужчин эффектной внешностью. Весной Мила вышла замуж за однокурсника Гошу, который вместо журналистики выбрал более денежную рекламную стезю. Гоша, начиная с четвертого курса, сотрудничал с газетой бесплатных объявлений, там же и обосновался после выпуска. В дела супруги он совершенно не вникал, ведя здоровый образ жизни и посещая атлетический клуб.

– Кто это тебя катает? – спросил Алексей игриво.

– Не катает, подвез по пути. Дядя Коля, – сообщила она, беззаботно улыбаясь.

– Какой...

Алексей начал и замолчал. Он вспомнил, как во время об-

щего бурного застолья Марина поведала ему о давнишнем друге Милы. Дядя Коля был офицером КГБ в отставке (подполковником или полковником, она не знала точно), воевал где-то в Африке или Азии за мировую систему социализма, даже ордена получал, а теперь занимал пост вице-президента по вопросам безопасности концерна «Интегратор».

Что связывало его с девушкой, Марина тогда не сказала. Только спустя несколько минут, видя, как Алексей искоса поглядывает на хохочущую Милу, шепотом отпустила в адрес лучшей подруги: «Змея». Такая специфика сугубо женских отношений его крепко впечатлила. Сейчас, постаравшись, Алексей даже воскресил в памяти фамилию дяди Коли: Полухин.

– Жаров его по-прежнему ценит? – блеснул он осведомленностью.

Мила всё улыбалась, но в ее глазах промелькнул некий особый интерес.

Президент «Интегратора» Жаров был не только самым богатым «новым русским» в городе, но и превзошел всех эксцентричностью. Его концерн вырос из обычного ларька. Торговый дом, банк, такси, два ресторана, модельное агентство, другие юридические лица – вряд ли кто-то еще, кроме самого Жарова, знал истинные пределы его состояния. Он любил потрясти земляков: спонсировал первый региональный конкурс красоты, подарил краеведческому музею портрет Грибоедова, написанный неизвестным художником, обе-

щал взять шефство над местным футбольным клубом и через год вывести его в высшую лигу.

Кутежи бизнесмена, по рассказам участников, превосходили сказочные пиры Валтасара. Шампанское лилось рекой, красную и черную искру подавали половниками. Как-то раз Жаров и его друзья, капитально приняв на грудь, выкатили из гаража боевую машину пехоты, купленную ими у военных как металлический лом, и катались на ней по набережной. БМП, разумеется, была без вооружения, но фурор произвела изрядный.

При всём этом Владислав Тимофеевич не относился к выходцам из партийной или советской номенклатуры, а из комсомольского возраста выбыл ещё в середине застоя. До появления первых кооперативов он вел жизнь заурядного инженера с окладом в сто десять рублей.

– Конечно, с ним, – сказала Мила.

– Весело им там, наверное, – предположил Алексей.

Всё время, пока они общались, за ними внимательно следили двое мужчин. Они сидели в салоне бежевой «лады», припаркованной метрах в тридцати поодаль, возле магазина «Часы».

Один из них достал фотоаппарат с телеобъективом и аккуратно сделал несколько снимков.

Диалог-1

-...Фёдор Михайлович, я понимаю специфику ваших отношений с бывшими товарищами, но это надо сделать срочно.

- Юрий Константинович, даю вам слово: делается всё возможное. Я не могу их подгонять.

- Сколько времени им надо?

- Хотя бы два дня, лучше три.

- Неужели это так сложно?

- Мы имеем дело с профессионалом. Если они допустят ошибку, он примет меры, и тогда нам не хватит даже трех недель.

- Хорошо, пусть будет три дня. Вы должны узнать имя заказчика. Я не верю, что ваш Полухин действует по заданию этого проходимца Жарова. Говорят, он уволился из органов по идеологическим мотивам?

- Есть разные версии. Я слышал, его несколько раз обошли по службе. Возможно, банальное недовольство.

- Уточните тоже. Женщина, которую вы упоминали – его любовница?

- Вероятно.

- Узнайте точно! Да, еще. В донесении было сказано, что она виделась с каким-то журналистом...

– Я с ним знаком.

– Вот как? Что скажете? Случайная встреча?

– Скорее да. Но я бы проверил.

– А что насчет начальника охраны? Ваш совет?

– Его нельзя трогать, Полухин сразу насторожится. Про-

сто аккуратно отправьте в отпуск или в командировку...

Глава вторая

14 сентября, вторник

Алексей отодвинул портативную машинку и потер глаза.
– Скоро сам очки нацеплю, – сказал он вслух.

Текст интервью был готов процентов на девяносто, если не больше. Учитывая перенаселенность и слабое техническое оснащение редакции, Алексей обычно писал тексты дома. Шеф не возражал, резонно полагая, что результат важнее. Тем более, на этот материал возлагались определенные надежды.

Беседа, состоявшаяся в минувший четверг, была настолько серьезной, что Станислав Петрович составил компанию Алексею. Их принимал у себя спикер областного Совета. При старом режиме Иван Минаевич успел побыть и главным комсомольцем, и главным партийцем области. Партийную должность он занял нестандартным способом, сам став некоторым образом продуктом перестройки.

В год его возвышения возникла мода альтернативно избирать первых секретарей обкомов, и прежний хозяин области, угождая Москве, поддержал эксперимент. Иван Минаевич попал в кандидаты и шокировал всех, победив при тайном голосовании. В августе девяносто первого волна пере-

мен вынесла его из желтоватого дома на площади. Крах карьеры казался окончательным. Но колесо истории подняло цепкого претендента в следующее кресло...

– Ты обедать собираешься? – спросила мама, заглянувшая в комнату.

– Подожди. Чуть-чуть осталось, – ответил Алексей.

Мама только развела руками. Журналистику она в принципе не признавала за достойный труд и текущую деятельность сына оценивала как затянувшуюся блажь. Его единственным весомым аргументом была зарплата. В редакции Алексей зарабатывал больше своего отца, доктора наук с общим стажем в четверть века. Родители этого не понимали, но, учитывая рыночные реалии, крыть им было нечем.

– Полчасика, ладно? – попросил он.

– Ладно. Ты ведь не слушаешь меня всё равно.

Алексей покивал и снова включил диктофон на воспроизведение. Речь спикера текла прихотливо и причудливо, будто обволакивая собеседников. Попытки возразить он, словно заранее, предвидел и вовремя вскрикивал: «Секундочку!». А затем сплетал свои кружева уже в иной манере.

Массивный диктофон скрежетал механическими внутренностями и хрипел, не передавая всего богатства речи Ивана Минаевича. Дефицитный товар достался «Народной трибуне» по бартеру от завода электрических приборов, который с горя переключился на производство всего подряд. Было искренне жаль, что бумага не сумеет выразить колорит

живого общения. Под конец непотопляемый деятель начал повторяться, что и позволило Алексею уложиться в полчаса.

Станислав Петрович, увязавшийся вслед за своим сотрудником, поломал первоначальный сценарий. Он для чего-то спросил, как Иван Минаевич относится к центризму, и спикер тотчас вдохновенно признался в своей давней приверженности этому течению. Шеф не утомился и попробовал выяснить, как убежденный коммунист оценивает китайский путь развития. Иван Минаевич и здесь не оплошал, подчеркнув, что напрасно мы отмели опыт китайских товарищей.

В итоге у Алексея создалось прочное ощущение, что их визави скользил между вопросами, как угорь, говоря не о том, о чем его спрашивали, а о том, что сам хотел донести до читателя. После завершения официальной части беседы Иван Минаевич поманил их в комнату отдыха, оборудованную за его кабинетом, и предложил выпить по рюмке.

– Самогон. Настоящий, без консервантов! Теща из деревни передала, – поведал он, щедро наливая из пузатой банки.

Естественно, выпили не по одной, и отнюдь не по рюмке, так как в действительности пришлось использовать фужеры для вина. Станислав Павлович, раскрасневшись, начал говорить про возможные дотации. Спикер озабоченно нахмурился. Пожевал губами как при мысленном совершении арифметических действий.

– Росчерком пера не могу, сам понимаешь: у нас коллегиальный орган, – сказал он, прекратив жевать. Но, заметив,

как поник редактор, авторитетно добавил. – Будем принимать поправки к бюджету и вернемся к твоему вопросу.

Потому-то и попросил Иван Минаевич показать ему текст интервью перед публикацией, а Станислав Петрович безропотно согласился. Более того, сам выразил желание изучить написанное до показа спикеру.

– Невкусно?

Алексей поднял голову от тарелки с супом.

– Вкусно, спасибо. Просто задумался.

– Поешь сначала, а уже потом думай. Тебя эта журналистика совсем замучила, – сказала мама.

– Всё хорошо, не волнуйся.

Погрузив ложку в суп, Алексей опять предался размышлениям. Вчера, после курилки, шеф интересовался его следующими темами. Увы, с ними наметился легкий кризис. Политики всех мастей с наступлением осени ждали грандиозных событий, так что пространных интервью больше никто не давал. Митинговая активность как-то приелась. Подборку читательских писем он сам упорно откладывал в надежде то, что она протухнет. В отличие от прошлого года, в газету писали главным образом непризнанные «народные политологи» и откровенные психопаты.

Завершив трапезу, Алексей утащил телефон с удлинителем в свою комнату и по памяти набрал номер.

– Алло, – ответил отлично знакомый голос.

– Привет! Ты там без остатка занят?

– Как всегда.

– Но для меня время найдешь?

Обладатель голоса малость помедлил.

– Приезжай! Приму.

– Через час нормально?

– Жду.

После этого содержательного разговора Алексей извлек из машинки последнюю страницу, еще раз бегло перечитал интервью, аккуратно свернул вдвое и положил в сумку вместе с гигантским диктофоном. В папку для бумаг с застежкой диктофон не помещался. На более удобную модель денег у редакции тоже не хватало.

Спустя пять минут он уже был на остановке и ждал автобуса в сторону центра.

Бабушка, отворившая дверь, неодобрительно и вместе с тем обреченно посмотрела на Алексея. Он не успел и рта раскрыть, как та махнула рукой вглубь квартиры.

– Сидит опять с гостями. В туалет сходить не дают.

И удалилась, шаркая войлочными тапками.

Алексей без напоминаний разулся и двинулся вперед через необъятную прихожую. «Сталинка» из четырех комнат была, по его мнению, просто фантастически просторной. А эта квартира в доме с башенкой, кроме того, производила впечатление смеси богемного салона с общественной прием-

ной. По ней вечно из конца в конец сновали какие-то странные люди. Хлопали двери. Постоянно звонил телефон. На стульях и в углах лежали стопки бумаг, брошюры и книги. Из гостиной доносилась музыка. В туалете шумно спускали воду. Даже в ванной, кажется, кто-то мылся.

Добравшись до третьей по счету двери, Алексей стукнул в нее согнутым пальцем и вошел. Центр всей творившейся суеты находился на диванчике у окна. Невзирая на послеобеденное время суток, Игорь был в банном халате с узорами, из-под которого, прочем, виднелась рубашка. Почти как древний римлянин, он скорее возлежал, чем сидел. Со времени предыдущей встречи его волосы сделались еще длиннее и струились теперь по плечам. Бородка клинышком тоже подросла.

Вокруг творилось форменное безобразие. Журналы, буклеты, папки с завязками и без завязок громоздились везде в количестве, явно большем, чем в прихожей. Судя по отдельным корешкам и ярлычкам, найти можно было всё – от средневековой философии до практических рекомендаций по проведению выборов и референдумов. Кое-как застеленная кровать также была частично занята полиграфической продукцией. На ее незанятой части томно возлежал посетитель – юноша с серьгой в ухе.

– Пообщаться бы тет-а-тет, – обозначил свои намерения Алексей.

Юноша без лишних слов испарился.

– Устраивайся, не стесняйся, – Игорь повел рукой, едва не опрокинув стопу газет и журналов.

Алексей занял место, нагретое юношей. Других вариантов не было.

– Ну-с? – обронил хозяин резиденции в точности с интонацией приват-доцента времен «Серебряного века».

– Да-а, ты прямо выдающимся деятелем стал, – для разминки сказал Алексей.

– Сейчас в лоб тресну, – пообещал Игорь, отбросив манеры приват-доцента.

Они знали друг друга со школы. Игорь Юдин и тогда был творческой личностью. Пробовал рисовать, посещал театральный кружок, писал рассказы и стихи. В полной мере он раскрыл свои разнообразные способности, став студентом. Во-первых, запел в хоре физиков и химиков. Во-вторых, ударился в неформальное движение за плюрализм и свободу слова. При Брежневe или Андропове его могли бы строго предупредить, а в случае неповиновения посадить. При Черненко уже, наверное, всего лишь предупредили бы. Но горбачевская перестройка уберегла Игоря от неприятностей, а его родителей от инфаркта.

Борьба за власть и привилегии его не прельщала. В отличие от многих демократов первой волны, привлекал сам процесс. Игорь с его кипучей энергией помогал друзьям открывать кооперативы, печатать прокламации, издавать листки, сам учредил несколько фондов и центров, имевших целью

формирование гражданского общества. Народ валил и валил к нему за сочувствием и помощью. Де-юре он, если Алексей не ошибался, в данное время нигде не работал и не учился.

– К тебе очередь в три вилюшки. А что люди говорят? Есть новости?

Игорь потрогал себя за бородку.

– Хм. Тебе же грязных сплетен подавай?

– Не обязательно. Хотя желательно, конечно, – сознался Алексей.

Игорь взял со стола указку и стал массировать ею спину.

– Что-то тихо в этом смысле.

– Перед бурей?

– Не исключено.

– Совсем ничем не порадуешь?

Юдин отложил указку и прилег поудобнее.

– Дам я тебе координаты одного человека, можешь на меня сослаться. Он, вообще, недоверчивый, но тебе, может, что-нибудь и расскажет.

– Что за человек? – поинтересовался Алексей.

– Предприниматель. Встретишься и сам всё узнаешь.

– А ты с ним как познакомился?

– Малое предприятие регистрировали для общества книголюбов, надо было посоветоваться. Будешь номер записывать?..

Ложку для обуви кто-то утащил, и Алексей чуть помучился, натягивая туфли. Бабушка Игоря, появившаяся из кухни

в переднике и со скалкой, при виде его безмолвных стараний вздохнула.

– Лучше с девками погуляли бы!

Записать номер предпринимателя Алексею не удалось. Игорь, как ни пытался, не нашел его в своей книжке и попросил перезвонить через час-полтора. Этого времени как раз должно было хватить для посещения митинга в поддержку Верховного Совета. Мэрия впервые дала добро на его проведение перед желтоватым домом, вокруг памятника вождю мирового пролетариата. От дома с башенкой место грядущего действия находилось в пяти минутах ходьбы.

Без спешки явившись туда, Алексей не застал огромного скопления народа. Кучками и группками по интересам стояло человек шестьсот, кое-кто подтягивался дополнительно. Под статуей Ильича, простершего перед собой руку, была развернута импровизированная фотовыставка. Энтузиасты принесли картонные щиты с портретами Горбачева, Яковлева и Шеварднадзе. На них черным фломастером была намалевана свастика. Сопутствующий текст тоже не отличался эстетической глубиной: «Могильщиков Союза – под суд!». Развевались красные флаги.

По площади кругами, как заведенная, бродила бабка в платке, с суковатой палкой и трехлитровой стеклянной банкой. На банке была наклеена грязноватая этикетка «Сок березовый». Алексей живо помнил эту бабку по предыдущим

шабашам. Если верить ее легенде, она собирала средства на ремонт мавзолея в Москве. Отдельно от завсегдатаев стояли крепкие молодые люди с суровыми лицами. Одеты они были по-разному: кто в пятнистые куртки и штаны, кто в темно-синюю форму с галунами, кистями и лампасами. Из них выделялся мужчина постарше. То был атаман Молодцов, предводитель местного казачества.

Появление атамана удивило специального корреспондента «Трибуны». До сих пор казаки не посещали митинги, созываемые коммунистами. Сегодня что-то побудило их отступить от своей принципиальной позиции. Алексей сдержанно поздоровался с Молодцовым, тот пожал ему руку. Атаман был поистине крут. На кителе у него висел настоящий крест за оборону Приднестровья⁸. Высокий, под два метра, парень в камуфляже, стоявший рядом, без особой теплоты оглядел журналиста с головы до ног.

– Товарищи! – взревел в мегафон распорядитель от «Трудовой России»⁹. – Просим подождать немного! К нам сейчас присоединятся наши товарищи!

---

⁸ Приднестровская Молдавская Республика (ПМР) – непризнанное государство, провозгласившее независимость от Молдавии в 1990 году. Ее полное отделение произошло летом 1992 года в результате вооруженного конфликта. На стороне ПМР в нем участвовали добровольцы из России, а затем регулярные части российской 14-й армии.

⁹ «Трудовая Россия» как общественно-политическое движение была учреждена в октябре 1992 года, ее максимальная численность достигала 100 тысяч человек. Занимала крайние левые, ортодоксально-коммунистические позиции. Движение возглавлял бывший журналист Гостелерадио СССР Виктор Анпилов.

С периферии на происходящее взирал корреспондент «Привратника» Лёня Иванов. Он иронически улыбался и совсем не спешил в гущу событий, даже ручку и блокнот оставил в кармане пиджака. Его издание здесь, мягко говоря, не уважали, а Лёню как-то обозвали «жидовской мордой». Газета платила оппозиционерам взаимностью, постоянно используя обидный для них термин «красно-коричневые».

Алексей издали кивнул Лёне, тот помахал в ответ.

– Товарищи, товарищи! Идут! – зычно заревел держатель мегафона, видимо, оповещенный курьером.

Вокруг памятника завертели головами. И тут грянула музыка.

Играл духовой оркестр. Его звуки наплывали из-за желтого дома, с каждой секундой усиливаясь. Еще чуть, и показалась голова колонны, впереди которой маршировали музыканты со своими инструментами, исполнявшие «Прощание славянки». За ними не в ногу, но вполне целеустремленно шли бедно одетые люди. Их было много, даже очень много для этого города и митинга: заметно больше пяти сотен, да, наверное, и гораздо больше тысячи. Над колонной реяли такие же флаги, как на лужайке под статуей.

– С «Авиастроя», – сказал кто-то в толпе возле Алексея.

Митинг явно перевалил за экватор. В кузове грузовика со звуковой установкой сменилось уже полдюжины ораторов. Грузовик подкатил следом за колонной, он тоже был из объ-

единения «Авиастрой». Его бок, повернутый к толпе, задрапировали кумачовой тканью с надписью: «Руки прочь от Советов!»»

— ...верно говорит товарищ Анпилов: нынешний антинародный режим не даст нам ничего! Не для нас были затеяны так называемые реформы Бориса Ельцина!

— Не Бориса Ельцина, а Бени Эльцина! — выкрикнул мужичок в первом ряду.

— Именно поэтому надо быть готовыми к самой беспощадной схватке за интересы трудящихся! — надрывался человек у микрофона.

Раздались очередные аплодисменты.

Алексей оглядел площадь. Свободного места на ней почти не осталось: заводчане создали собранию массовость. Их численность он сначала даже недооценил. В строю с марширующим оркестром было как минимум три тысячи манифестантов.

Он опять встретился глазами с Лёней из «Привратника». Тот по-прежнему ничего не записывал, даже руки засунул в карманы. Однако больше не улыбался.

— Алексей Николаевич, как ваше драгоценное здоровье?

Алексей вздрогнул.

Фёдор Михайлович Кобрин, второй секретарь обкома компартии (по организационной работе), подкрался неслышно. Он смотрел с прищуром и улыбался одними губами. В петличке скромного серого костюма алел значок с

серпом и молотом. Был он весь, как обычно, довольно неприметный и подтянутый, его русые волосы с проседью делил надвое идеальный пробор.

– Благодарю вас, Фёдор Михайлович. А ваше как?

– Сзади не отстаем, вперед не забегаем, – образно ответил партийный чин.

– Я смотрю, акция получилась внушительная. Но время-то рабочее, не будет ли у трудящихся проблем?

– Они из первой смены, у них рабочий день закончился, – невозмутимо объяснил Кобрин.

– И все поголовно решили примкнуть?

– Не все, насколько я знаю. Только самые сознательные.

Секретарь обкома с любопытством смотрел на Алексея. Во всяком случае, Алексею так показалось. Он моргнул и спросил еще:

– А директора мы не увидим? Или он не участвует?

– Почему вдруг не участвует? Юрий Константинович уже здесь, сейчас выступит.

Толпа снова захлопала, загудела.

– Слово предоставляется директору производственного объединения «Авиастрой» имени Куйбышева, Герою Социалистического Труда, кавалеру ордена Дружбы народов, доктору технических наук, профессору, товарищу Мясоедову! – объявил ведущий.

Пока Алексей вытаскивал и активировал свой диктофон, товарищ Мясоедов успел занять место на трибуне. Он ока-

зался выше всех, кто стоял в кузове грузовика, и прямее всех держал спину. На нем была кожаная куртка цвета воронова крыла, еще чернее, чем его густые брови. «Как у комиссара», – оценил Алексей. Высокий лоб директора, пристальный взгляд и выдающийся вперед подбородок выдавали в нем человека, привыкшего командовать. Слова вылетали из его рта даже не как пули, а скорее, как снаряды.

– Я буду краток! – начал Мясоедов без всяких «товарищей». – Сегодня мы впервые за эти проклятые годы собрались на главной площади. Я скажу так: это знак. Мы давили на них, и они стали бояться нас. Но это лишь начало! Очень скоро мы продолжим и не отступим! Здесь только три тысячи рабочих, а завтра будет тринадцать тысяч. А потом поднимутся остальные. Враг будет разбит! Победа будет за нами!

Толпа заорала с такой силой, будто ринулась в атаку. В первых рядах размахивали руками, трясли самодельными плакатами. Из-за плакатов и рук Алексей на время потерял из вида и Мясоедова, и его соседей по кузову.

– Мы с вами наблюдаем политический дебют Юрия Константиновича, – скромно прокомментировал Кобрин.

– Каким же будет финал? – вырвалось у Алексея.

– Вы диктофон забыли выключить, – мягко подсказал ему создатель партийных ячеек.

После выступления Мясоедова митинг можно было сво-

рачивать. По сценарию к микрофону вылез кто-то еще, но это было уже несущественно. Кобрин куда-то улизнул, предвзвительно извинившись, и Алексей остался в толпе наедине со своими мыслями. Перед расставанием Фёдор Михайлович осведомился, как поживает Станислав Петрович, и передал ему пламенный привет.

– У вас сейчас что на повестке дня, просвещенный патриотизм или центризм? – спросил он с неподражаемой иронией.

– Пятьдесят на пятьдесят, – ответил Алексей.

– Пора определяться, – со значением сказал Кобрин. И, задержав его руку в своей, спросил еще:

– А творческие планы какие?

– Честно? Даже не знаю.

Оркестр играл «Священную войну», публика стремительно расходилась. На краю площади Алексей повстречал фотографов Васькина и Кашина. Для «Народной трибуны» в этот раз снимал Кашин. Вид у него был какой-то взъерошенный, глаза злые.

– Что стряслось? Пленку засветил?

– Засветил, ага. Мне чуть не засветили, б..., – выругался Кашин.

– Кто?

– Мясоедов.

Алексей опешил.

– За что?

– А ни за что. Я его в толпе хотел щелкнуть, с людьми. Так он сам подскочил, камеру мне хотел разбить. Мужик какой-то с ним был в костюме, удержал. Директор этот плевался, желтой прессой меня назвал.

– Вот тебе и профессор, – только и смог вымолвить Алексей.

– Хасбулатов тоже профессор, – показал свою эрудицию Кашин.

Ближайший телефон-автомат был возле театра оперетты, за площадью. Алексей обшарил карманы и убедился, что оставил жетоны дома. Пришлось пересечь площадь в обратном направлении, чтобы зайти в желтоватый дом и позвонить с гостевого бесплатного аппарата. Впрочем, так было даже удобнее. Халявный телефон висел внутри будки с закрывающейся дверью.

Шеф был какой-то расслабленный и вялый и легко принял предложение привезти интервью со спикером завтра. Под настроение Алексей сумел добиться его согласия на перекройку второй полосы. Светлана Анатольевна поворчала, но была вынуждена согласиться с тем, что рядом с новостью о пикете за разгон Советов должна стоять такая же по размеру новость о митинге в их поддержку.

Разобравшись с текущими вопросами, Алексей перезвонил Игорю. Пробился к нему с трудом, так как в резиденции с ворчащей бабушкой было постоянно занято.

– Записывай, – бодро выдал Игорь.

– Как зовут? – записав номер, спросил Алексей.

– Киреев Дмитрий Никитич.

– Там его офис?

– Да. Звони, он ждет.

Алексей дал отбой и высунулся из будки. В очередь к телефону никто не стоял, дежурный милиционер на вахте безразлично уставился в стену перед собой. Часы показывали семнадцать пятьдесят одну.

Трубку взяли после третьего гудка, но говорить что-либо на другом конце провода не спешили.

– Дмитрий Никитич? – нарушил молчание Алексей.

– Кто его спрашивает?

– Алексей из газеты «Народная трибуна». Ваш номер мне дал Игорь Юдин.

– А, понял. Минуточку.

В трубке раздался другой голос, очень похожий на предыдущий. Приветствий не последовало, сразу вопрос.

– Вы хотели встретиться?

– Хотел, – подтвердил Алексей, чуть подивившись такому обращению.

– Приезжайте.

– Сейчас?

– Почему нет? Нормальное время.

– Я не знаю адреса.

– Пишите или запоминайте.

Офис предпринимателя был близко от центра, у железнодорожного вокзала. Алексей решил добраться до него пешком. На это вполне хватило бы двадцати минут. Так он и сказал загадочному Дмитрию Никитичу.

Он брел прогулочным шагом, переваривая увиденное и услышанное. Позади него, не очень далеко, но и не слишком близко, тоже не торопясь, шагали двое мужчин рядовой наружности. Если бы Алексей страдал манией преследования, то заметил бы, что они сопровождают его с самого митинга.

Дом, номер которого назвал Киреев, стоял между вокзалом и винным заводом. Чтобы попасть с улицы во двор, надо было пройти через квадратную арку. Окружающая территория пользовалась в городе дурной славой. Здесь кругло-суточно торговали поддельным пойлом, благодаря которому на небеса перенеслись десятки любителей спиртного. Этот и соседние дворы получили в народе название пьяных. Алексей удивился еще сильнее, сообразив, куда держит путь.

«Какой тут офис? Откуда?» – недоумевал он, оставив позади арку с характерным аммиачным запахом и сворачивая к ближнему подъезду. Двор был пуст. Смеркалось. В некоторых окнах уже зажгли свет. Алексей присел на хлипкую лавочку и визуальнo исследовал дом с тыла. Никакой вывески или хотя бы крохотной таблички с названием фирмы он не обнаружил.

Из арки показался одинокий прохожий в плаще. Лениво

проследовал мимо и, не обращая ни малейшего внимания на Алексея, скрылся в дальнем подъезде. «Ладно. Если что, развернусь и уйду. Невелика потеря», – подумал Алексей, ныряя в полутемный проем. В подъезде пахло так же, как в арке, но слабее.

Когда он добрался до второго этажа, внизу хлопнула дверь. Алексей инстинктивно притормозил. Через несколько секунд его обогнал мужчина в спецовке, видом своим похожий на сантехника. Алексей посторонился. «Тоже со смены, что ли?» На третьем этаже он увидел массивную железную дверь без обивки, окрашенную в серый цвет. Без цифр.

Все приметы совпали, и он надавил кнопку звонка. За дверью раздался шорох, кто-то изучал его в глазок. Потом лязгнул засов.

– Я вам звонил, – неуверенно начал Алексей, надеясь, что всё-таки ошибся.

– Заходите, – послышалось в ответ.

Дмитрий Никитич оказался крупным, широкоплечим брюнетом на вид лет сорока пяти или чуть старше, с большими руками и грубыми чертами лица. Одет он был неприятно: в клетчатую рубашку, зеленый джемпер и обыкновенные джинсы. Его скорее можно было принять за шофера, чем за бизнесмена.

– У вас документы есть? – хрипло спросил он.

Алексей привычным жестом показал удостоверение.

– А еще какие-нибудь?

Алексею захотелось послать его подальше. Но стало жалко бросать эту затею на полпути. У него случайно имелся при себе паспорт. Бухгалтерия хотела что-то сверить, и он с утра прихватил его с собой, но до редакции так и не доехал.

Киреев изучил и паспорт. Причем, как отметил про себя Алексей, открыл даже странички, посвященные семейному положению и воинской обязанности.

– Похож?

– Всё в порядке. Прошу, – Дмитрий Никитич распахнул перед гостем дверь, которая вела в комнату.

После пустой прихожей с простой вешалкой Алексею почувствовалось, что он на самом деле попал в офис. На двух обширных столах красовались белоснежные компьютеры с незнакомой эмблемой на системных блоках. К обоим ЭВМ были подключены принтеры и колонки. На журнальном столике у окна устроился факс, а в углу, ближе к двери, помещался компактный ксерокс. Такой модели Алексей не видел даже в областной администрации.

В то же время обои на стенах были самые обычные, дешевые, шторы на окне тоже. За одним из компьютеров сидел, откинувшись в вертящемся кожаном кресле, загорелый брюнет лет сорока, чем-то неуловимо похожий на Дмитрия Никитича, но с аккуратными усиками.

Пауза слишком затянулась, и Дмитрий Никитич представил второго брюнета:

– Георгий Никитич. Тоже Киреев, мой младший брат.

– Очень приятно, – сказал второй Киреев, приподнимаясь и пожимая руку Алексею.

По голосу тот понял, что именно с ним начинал общаться по телефону.

– Против музыки не станете возражать? – внезапно спросил старший Киреев.

– Я не меломан, но ничего против не имею.

– Не меломан? Зря. Ну, вот это вам должно понравиться.

Дмитрий Никитич уселся за компьютер напротив брата и пощелкал мышью. Из колонок на его столе донеслось легкое шипение, потом заиграла гитара и мужской голос запел:

– Yesterday all my troubles seemed so far away...

– The Beatles, как видите. У меня здесь целый альбом, – видимо, на всякий случай растолковал предприниматель, который казался теперь еще загадочнее. – Так что за предмет разговора?

Алексей замялся. Ситуация всё больше представлялась ему нелепой.

– Игорь сказал, что вы можете подкинуть интересную тему.

– Вы о политике пишете? – уточнил Георгий Никитич.

– В основном, да. Но можно и об экономике написать, – брякнул Алексей, вспомнив понедельничную планерку.

– Об экономике? – почему-то рассмеялся Дмитрий Никитич.

Алексей от всей души пожалел, что клюнул на предложе-

ние Юдина. Он чувствовал себя абсолютным идиотом.

– Я, наверное, не по адресу, – объявил он, вставая.

Но Дмитрий Никитич при всей его комплекции оказался проворнее, вклинившись между ним и прихожей.

– А пойдёмте-ка на кухню, по русскому обычаю, – позвал он. – Вам чайку? Кофейку?

– Кофе, если можно.

«Какого чёрта? Странноватые какие-то мужики со своим подпольным офисом, и ситуация глупая. Уходи отсюда, не позорься», – проносилось в голове у Алексея. Дмитрий Никитич орудовал чайником и кофейником, звякал чашками и ложками. Кухня была оборудована скромно, но со вкусом. Георгий Никитич тем временем сделал музыку громче и присоединился к компании. Он тоже налил себе кофе.

Старший Киреев закурил.

– Вы точно моего брата не знаете?

Алексей пожал плечами.

– Точно не знаю.

– И вы не в курсе, что он был вице-губернатором области?

– Кем?!

Диалог-2

-...Ты уверен?

- Николай Олегович, обижаете. Сколько лет служим?

- Выходит, ребята из конторы?

- Конечно, я не спрашивал, но почерк знакомый. Их было двое, я один, так что провожать не стал. Сами понимаете, обнаруживать себя команды не было.

- Правильно. Я сам наведу справки. А что наш объект?

- В контакт ни с кем не вступал, доехал до дома на троллейбусе.

- Они вели его до конца?

- Да. Сели и вышли вместе с ним.

- Небрежно работают.

- Чего им бояться? Он дилетант.

- Всё равно так не надо. Ладно, спасибо тебе.

- Отгул дадите?

- Что ж у вас всех шкурный интерес на первом месте?..

Глава третья

15 сентября, среда

Спалось ужасно. В последний раз Алексей пробудился в начале шестого, заснуть уже не смог. Он лежал, прокручивая в памяти подробности беседы в офисе.

– Как же вы о политике пишете, если элементарных вещей не знаете? – спросил его Дмитрий Никитич, убедившись, что он действительно впервые слышит об отставном вице-губернаторе.

Алексею стало мучительно стыдно.

– Я меньше года в штате, – буркнул он в свое оправдание.

– Неужели раньше ничем не интересовались?

– Дима, не терзай ты человека, – вмешался Георгий Никитич.

– Не буду, – сжалился его брат. – Допивайте кофе, остывает.

– Вы с Яковом Александровичем работали? – спросил Алексей, когда кофе был выпит.

Все трое по-прежнему заседали на кухне. Никто не предложил гостю переместиться в комнату, где продолжали звучать музыкальные шедевры. При упоминании имени-отчества главы исполнительной власти братья поморщились.

– С ним, – кивнул Георгий Никитич, – но недолго. Сразу после его назначения.

– А за какую сферу отвечали?

– За экономику и инвестиции.

– Можно еще несколько вопросов?

– Валяйте.

– Чем сейчас занимаетесь?

– Брату помогаю.

– Почему с губернатором не сошлись? Он рубаха-парень, народный...

Дмитрий Никитич фыркнул, как кот. Брат его Георгий Никитич громко захохотал, откинув голову.

– Давно меня так не смешили. Простите, пожалуйста, – сказал бывший вице-губернатор, пальцем вытирая слезу.

– Алексей, вы серьезно это говорили? – поинтересовался Дмитрий Никитич.

– Отчасти.

– От какой части?

– Ну, – Алексей тщательно подбирал слова, – он ведь все-таки худо-бедно интересы нашей области защищает. Лоска ему, наверное, не хватает, и дополнительное образование тоже не повредило бы, но тут жизненный опыт важнее. Лично я так думаю, если вкратце. Если простыми словами.

Братья переглянулись.

– Ой, ой, ой...

– Дима, подожди, – Георгий Никитич поднял руку, как

судья на ринге. – Человек многого не знает, но он ведь не был там, внутри. Верно?

Тут Алексею попала под хвост какая-то вожжа. Возможно, надоело ощущать себя болваном и захотелось открыть дебаты.

– Может, вы скажете, что губернатору вообще ничего делать не надо? – с вызовом произнес он. – Может, плюнуть и ждать, пока рынок сам всё отрегулирует? Как великий Гайдар завещал, да?

Дмитрий Никитич с шумом втянул в себя воздух. Но первым заговорил его брат.

– Алексей, вы искренне считаете, что так называемое регулирование экономики осуществляется в интересах населения?

– Почему нет? Если просто сидеть, сложа руки, из области всё подчистую вывезут. Голод может начаться.

Дмитрий Никитич открыл рот.

– Подожди! – осадил его брат. – Я ещё спрошу. Вы в курсе, кто активно застраивает «Санта-Барбару»? Наш пресловутый коттеджный поселок на юго-западе?

– А какое это имеет отношение...

– Самое прямое. Там почти весь департамент, выдающий лицензии на вывоз продуктов. Там вся верхушка ДПС и ГАИ. Там первый зам губернатора, курирующий это направление. А знаете, почему там домишки? А отделка, мебель? Вашей зарплаты на одну калитку не хватит. Если интересно,

я дам полный список собственников. Вот вам и тема номер один.

– Прежде чем ругать Гайдара, посмотрите, кто явился ему на смену¹⁰, – подхватил старший брат. – Ваши «красные директора» гребут под себя за милую душу, а народные губернаторы их покрывают. Почему? Потому что сами в доле.

– Про нашего вроде говорят, что порядочный человек, – Алексея уже не так тянуло дебатировать.

– Я больше не могу! – застонал Дмитрий Никитич, закрыв лицо руками.

– У порядочного человека сын двадцати лет от роду сидит на половине финансовых потоков администрации. Просто очень способный, да? Никакого криминала, – усмехнулся Георгий Никитич.

– Почему я должен вам верить?

– Ни разу не должны. Вот вам документы, – бывший вице-губернатор взял с полки пухлую картонную папку, развязал тесемки, открыл ее и бросил на стол перед Алексеем. – Просто всё снабжение бывших колхозов и совхозов горючим, запчастями, семенами идет через «Фонд спасения села». Но фонд, прошу заметить, структура не государственная, а лишь с государственным участием. Это акционерное общество закрытого типа, и его акционерами являются дру-

---

¹⁰ Егор Гайдар был отправлен в отставку со всех постов в правительстве России 14 декабря 1992 г. На тот момент он был и.о. премьер-министра и первым вице-премьером. Его сменил бывший председатель правления концерна «Газпром» Виктор Черномырдин.

гие юридические лица. Улавливаете?

– А сын где?

– Терпение, мой друг. Сейчас доберемся и до сына, и до отца, – на лице Дмитрия Никитича появился недобрый оскал.

– Так вот, ведущий акционер там – не департамент аграрной политики, а частная компания, именуемая «Гарант плюс». Девяносто процентов акций «Гаранта» принадлежат еще одному юридическому лицу – товариществу, открытому в городе Подольске, что в Московской области. И, наконец, у этого милого товарищества из Подольска имеется единственный учредитель: тот самый молодой человек. Читайте, всё написано. Даже копия паспорта прилагается.

Алексей читал и чувствовал противный холод в животе.

– Но здесь другая фамилия.

– Конечно! У сына фамилия матери, с ней народный губернатор сейчас официально в разводе. Вы представляете себе оборот этого фонда, который, в сущности, не фонд, а крупное коммерческое предприятие, не производящее ничего, кроме прибыли? Впрочем, цифры здесь тоже есть. В отдельной справочке.

– И никто ничего не проверял? Контрольное управление, прокуратура?

– Начальник этого управления и прокурор области тоже строят себе дома в «Санта-Барбаре», – бесстрастно сообщил Георгий Никитич.

У Алексея в прямом смысле дыхание сперло.

– Дальше долго объяснять не нужно? – обратился к нему Дмитрий Никитич. – Фонд получает кредиты из бюджета под символический процент и распределяет деньги между хозяйствами. Он ничего не закупает ни для какой посевной или уборочной, только согласно типовым договорам оказывает дорогим селянам информационную поддержку. То, что им необходимо, они покупают сами, но только у тех поставщиков, которых им рекомендует фонд. Вот вам еще одна кормушка. Полная свобода откатов! Тут никаких точных цифр нет, их только следствие могло бы назвать. Что касается упомянутых бюджетных кредитов, то возвращать их при галопирующей инфляции¹¹ одно удовольствие. И с распределением этих миллиардов между колхозами-совхозами можно спокойно повременить, покрутив деньги в банках.

– Послушайте, это же...

– Что?

– Настоящая коррупция, – наконец выдал из себя Алексей.

– Прямая и явная, – согласился с ним Георгий Никитич. – Вы еще про нехватку образования говорили. Так вот, диплом инженерной академии наш дорогой губернатор тоже купил. Я практически был тому свидетелем. Но по сравнению с дру-

---

¹¹ Темпы инфляции, по данным Росстата, за 11 месяцев 1992 г. составили 656% к аналогичному периоду прошлого года. Этот же показатель за 11 месяцев 1993 г. достиг 647%.

гими его подвигами это совершеннейшая мелочь.

– Но вы же не считаете, например, что приватизация у нас идет по справедливости? А это Гайдар с Чубайсом.

– Удивительно, что она вообще хоть как-то идет. Правда, это совсем другая тема, – заметил старший Киреев. – Вы, конечно, помните, какой вариант приватизации был в итоге принят?

– Более или менее, – соврал Алексей.

По правде говоря, вникнуть в эти варианты он поленился. Вузовский курс политэкономии, казалось, навеки отвратил его от предмета. Лекции ему и его ровесникам читала дама, воспитанная на «Кратком курсе истории ВКП (б)» и производных от него. Социализм трещал и сыпался, и Зинаида Егоровна без четких установок сверху просто растерялась и поплыла. Пытаясь скрестить марксистские догмы с новыми веяниями, она откровенно веселила аудиторию.

– Преимущество при этом варианте получили те же «красные директора», никакой другой просто не прошел бы, – сказал Дмитрий Никитич.

– А другой был на самом деле?

– Был, конечно. За деньги.

– За деньги? – Алексей решил, что ослышался.

– Именно. Ваучер – это не акция. Многие ваши знакомые знают, что с ним делать?

Алексей хмыкнул. На ум пришла Карпова из редакции.

– Мало кто, вы правы.

– Директора заберут эти фантики у работяг – скупят за гроши, выменяют на водку, неважно, – и станут полноправными собственниками контрольных пакетов. Помяните мое слово, – спрогнозировал старший Киреев.

– Но Чубайс...

– Да что вы к Чубайсу пристали? – теперь уже не вытерпел младший брат. – Он был против этой затеи с ваучерами. Почитайте лучше федеральную прессу.

– Вы чьи акции купили бы за деньги? – неожиданно даже для себя спросил Алексей.

– Я немножко «Газпрома» купил бы. Да кто ж продаст? – усмехнулся Дмитрий Никитич.

Родители проснулись и принялись ходить туда-сюда по квартире. У соседей за стенкой заголосило радио. Алексей выпростал руку из-под одеяла, дотянулся до часов, лежавших на стуле: без пятнадцати семь. Спать дальше было бесполезно, да и поздновато. По средам все корреспонденты съезжались в редакцию к десяти. Предстоял газетный день, сдача номера.

Вчерашняя встреча в офисе завершилась поздно. Алексей еще читал и перечитывал документы, задавал вопросы. Чувство стыда почти испарилось, осталась досада. «Побегал по митингам и решил, что море по колено, да?» – попенял он себе. Было понятно, что кое-чему надо учиться заново. Братья Киреевы охотно рассказывали о том, как действуют

механизмы реальной экономики в конкретном регионе.

– Поэтому я и подал в отставку, – резюмировал Георгий Никитич, популярно описав очередную коррупционную схему.

– Не хотели такое визировать?

– Категорически.

Договорились связаться и встретиться опять. Бумаг ему, правда, не дали. «Позже», – многозначительно посулил бывший вице-губернатор. Когда расставались, Алексей задал последний вопрос, вертевшийся на языке.

– К слову о директорах. Вы Мясоедова хорошо знаете?

– Еще бы! – оживился Дмитрий Никитич. – Но приватизация пока мимо него идет. «Авиастрой» – предприятие стратегическое, акционированию не подлежит.

– Что он вообще за человек? Каких убеждений придерживается? Ярый коммунист?

Старший брат затянул с ответом.

– Коммунист? Вряд ли. Скорее фашист.

Алексей съел на завтрак бутерброд с колбасой и запил его крепким чаем. Рабочий день журналиста начинался позже, чем у других членов семьи. Решив явиться в редакцию к половине десятого, чтобы в тиши накатать свои тридцать строчек, он стал одеваться по-походному. Мысли по-прежнему обгоняли одна другую.

«Интересно, что за бизнес у Киреевых? Я вчера даже

не спросил. Неужели они сами столько всего нарыли – про фонд, кредиты, лицензии? С какой стати откровенничали? Они меня впервые в жизни видели. И почему под музыку общались? Боятся прослушки? Или осеннее обострение началось? Георгий Никитич спокойный такой, уравновешенный мужчина. А его брат эмоциональнее будет».

Зазвонил телефон. Алексей снял трубку.

– Прости, что дома беспокою, – зачастила Мила. – Тебе удобно говорить?

«Восемь тридцать. Стряслось что-то?» – подумал он.

– Говори, не стесняйся.

– У меня пресс-релиз есть. Я знаю, что вы сегодня новостную полосу делаете...

– О чем релиз?

– Комментарий полпреда о возможном принятии новой конституции России.

– Ее никто принимать не собирается, – ухмыльнулся Алексей.

– Но комментарий-то есть, факт налицо, – возразила Мила.

– Логично по-своему.

– Заскочи к нам, забери, а? Вы давно новостей от нас не ставили, – начала канючить сотрудница аппарата. – Я бы факсом отправила, но у вас факса нет.

– Подарите.

– Я передам твое предложение руководству.

– Ладно. Ожидай через полчаса.

«На работу точно опоздаю, Тихоныч обязательно замечание сделает. Ну и пошел он... Фаворит я у шефа или не фаворит?»

Алексей был уже собран, оставалось завязать шнурки. Снова грянул телефонный звонок.

«У Милы склероз, что ли? Сразу всё сообщить нельзя?»

– Лёша, привет! – издалека долетел до него чуть смущенный голос, и раздражение мгновенно куда-то исчезло.

– Привет! Рад тебя слышать.

Это была Даша из Норильска. Она звонила ему не реже двух раз в неделю, точь-в-точь в свой обеденный перерыв. Алексей поражался, как ее пока не застучали. Такие переговоры стоили довольно дорого, и сам он хорошенько подумал бы, прежде чем позволить себе подобные расходы.

Их встреча состоялась в начале июля. Получив университетский диплом и убедив Станислава Петровича отпустить его на полторы недели, Алексей рванул на Черное море. В пансионате «Тувевая роща» в славном городе Геленджике было классно. Туи действительно росли на каждом шагу, погода стояла оптимальная для купания и загара. Рядом с пляжем продавали всякую вкуснятину, и старейшина местных торговцев, смуглый человек с огромными усами, периодически зазывал: *«Свэжый кукуруз! Хароший кукуруз!»*

Даша с подругой остановилась на квартире поблизости от пансионата. Для прохода на пляж полагалось иметь спе-

циальную книжицу старого, еще советского образца, однако вахтерша крайне редко просила предъявить ее. Так что девушки повадились отдыхать именно в этом месте.

На решительные действия Алексея спровоцировала пересмешница Настя, спутница Даши. Он только что выбрался из пучины вод и стоял в очереди в душ.

– Молодой человек, с вами девушка хочет познакомиться.

Алексей повернулся на голос. Тон у Насти был вполне серьезный.

– Почему же она сама не подойдет?

– Что вы! Так не принято, – натурально возмутилась бесовестная лгунья.

– Где девушка?

– Вон, с розовым полотенцем в полоску. Видите?

Смыв с себя морскую соль, Алексей уверенным шагом направился к Даше.

– Здравствуйте! Вы мной интересовались?

Даша доедала кусочек дыни и чуть не подавилась.

– Я?! Кто вам сказал?

– Ваша подруга, – Алексей почуял подвох.

– Прибью.

– Меня?

– Нет, ее. Вы пострадавший.

– Давайте пострадаем вместе? – предложил он.

Через пять минут они уже смеялись и болтали обо всём на свете.

– Вы чем вообще занимаетесь? – спросила Даша.

– Я журналист.

– Журналист? – она не поверила. – Правда?

– В номере корочки валяются, могу показать.

Она посмотрела на него с почтением.

– Наверное, опасная профессия?

Алексей не стал водить ее за нос.

– Еще не доводилось рисковать. Может, всё впереди.

– Здорово! Но вам со мной скучно будет, – констатировала Даша. – Я торговый работник. Никакой романтики.

Наверное, в ее профессии романтики действительно не было. Зато у неё были очень сладкие губы и стройное, гибкое тело. На гибкость он испытывал Дашу каждый вечер, когда город и бухта погружались в темноту. И каждый раз они проводили испытания в новом месте: то на скамейке между туями, то в кабинке для переодевания на опустевшем пляже, то в круглой беседке у пансионата, обвитой виноградом, и даже в павильоне автобусной остановки.

Времени на разговоры оставалось крайне мало. Благоухала южная растительность, зуммерили цикады, на мысе у входа в бухту мигал маяк. С танцплощадки долетала песня о стюардессе по имени Жанна. На первое свидание Даша пришла в коротком платье, больше похожем на рубашку, подпоясанную тоненьким ремешком. Она сразу крепко взяла его под руку, зацокала каблучками, и сквозь ткань этого смелого одеяния он ощутил, что под платьем ничего нет. Решил,

что обманулся. Проверил, как только они начали жадно целоваться, зайдя за живую изгородь. И ремешок соскользнул с ее бедер в траву...

Курортные романы редко перерастают в нечто большее. Однако, уезжая, Алексей оставил Даше номер своего домашнего телефона. И вот она опять позвонила украдкой и торопливо рассказывала что-то про свою однообразную жизнь за Полярным кругом, откуда теперь, может быть, очень и очень нескоро получится выехать на теплое море. Слушая ее, он испытывал какую-то неловкость. Совесть не имела отношения к этому, но... Всё дело было в малопонятном «но». Конечно, там, на юге, никто никому ничего не обещал. Но эти утренние разговоры продлевали и питали какую-то эмоциональную связь между ними. Как с ней поступить, Алексей не знал.

– Дашенька, мне мчаться надо, – тихо сказал он, невольно подстроившись под ее полусшепот.

– Да, конечно. А то тебя ругать будут, – откликнулась она.

– Я тебя целую.

– И я тебя тоже. Ты береги себя!

Последняя фраза прозвучала очень трогательно. Положив трубку, он подержал ее с полминуты на рычажках, потом завязал шнурки, подхватил свою репортерскую сумку и взялся за колесико замка.

По коридору желтоватого дома, по всему правому кры-

ду шестого этажа, озабоченно сновали хмурые люди с бумагами, портфелями, кейсами и папками. Путь каждого из них лежал к дверям губернаторского кабинета. Видимо, заступник народа проводил очень важное совещание, призванное еще сильнее упрочить заботу о простом человеке. Алексей несколько по-новому посмотрел на эту суету, сворачивая в сторону приемной полпреда. Схемы от братьев Киреевых упорно не шли из головы.

Он увидел Милу с порога. Та прижала палец к губам и жестом показала: погоди, мол, сейчас выйду. Но вместо нее появился Зимин.

– Пошли, прогуляемся.

– Мне Мила пресс-релиз обещала...

– Это я просил ее позвонить, – перебил помощник полпреда.

– Вы? А пресс-релиз? – не понял Алексей.

– Возьми, пусть будет, – Михаил Евгеньевич сунул ему в руку сложенный вчетверо листок.

В конце коридора они зашли в лифт и доехали до второго этажа. В полной тишине свернули за угол и спустились еще немного по короткой лестнице. Михаил Евгеньевич достал связку ключей, открыл простую дверь без таблички.

– Прошу. Знакомая картина?

Они стояли на галерке самого большого в этом здании зала, где заседал областной Совет, а до роспуска обкома КПСС регулярно собирался партийно-хозяйственный актив. Сей-

час президиум пустовал, и в зале с тысячей кресел тоже не было ни души.

– Впечатляющий вид, – оценил Алексей. – Мы кого-то ждем?

– Нет. Просто здесь можно говорить свободно.

– В смысле?

– Не доверяю я нашим кабинетам.

– Сейчас у всех повышенная бдительность? – осведомился Алексей.

– А у кого еще? – вопросом на вопрос ответил Михаил Евгеньевич.

– Неважно. Что за ерунда вообще? Вы – власть, ваш начальник – представитель президента страны. Кто здесь может слушать его или вас?

– Кто охраняет, тот и слушает всегда, и сольет кому угодно. Ты лучше поделись впечатлениями от митинга.

– Впечатления сильные, – сказал Алексей, – особенно от речи товарища Мясоедова. Могу запись дать.

– У меня уже есть, спасибо. Кстати, помнишь историю с «Русской республикой» пару месяцев назад?

– Смутно, если честно. Я в отпуске был.

– На каждом столбе в каждом районе листовки с рисунками висели – за «Русскую советскую социалистическую республику», независимую от Кремля. Дескать, коренное население доведено до отчаяния, правят инородцы под диктовку США, общенародная собственность – в руках еврейского

капитала, и тому подобное, – напомнил помощник полпреда. – Прокуратура дело возбудила.

– Точно, теперь помню. Нашли кого-то?

– Нашли, только не прокуратура.

Следующим словам Михаила Евгеньевича специальный корреспондент почему-то не слишком удивился.

– Тираж был отпечатан в типографии «Авиастроля». Так-то.

– На заводе своя типография есть?

– Там много чего есть.

Алексей посмотрел на пустой зал и стол президиума.

– А дальше?

– Полпред, естественно, обратился в Москву, по инстанции. Предложил уволить директора за деятельность, не совместимую со статусом, – сообщил Михаил Евгеньевич.

– Вы ждете ответа?

– Мы его получили.

– Вам отказали? – предположил Алексей.

– Да. Якобы не доказана личная причастность Мясоедова, – пояснил помощник. – Я не особо удивился: у этого деятеля мощное лобби. Он даже на пост премьера претендовал в прошлом году, в декабре.

– Погодите, – остановил его Алексей. – В списке, по-моему, три кандидата были: Гайдар, Скоков и Черномырдин. Или я что-то путаю?¹²

---

¹² После политического кризиса в декабре 1992 г., когда Съезд народных депу-

– В окончательном списке, который на общее рассмотрение вынесли. Был и другой – расширенный, не для съезда.

Алексей поморщился.

– Вы же прекрасно понимаете, что «Русская республика» – полный бред.

– Конечно, бред. Им вся Россия нужна, – спокойно ответил Михаил Евгеньевич. – Вчера Мясоедов провел репетицию, а завтра остановит завод и выведет на площадь все тринадцать тысяч. Вот это здание, где мы с тобой находимся, они займут без единого выстрела. Никакая милиция не остановит.

– А народный губернатор?

– Ему есть что терять. Думаю, примкнет к победителям.

– Михаил Евгеньевич, – проникновенно сказал Алексей, – только не обижайтесь, но вам бы детективы сочинять. Большие деньги заработаете, из чиновников сможете навсегда уйти.

Его собеседник не обиделся, только поглядел оценивающе.

– Если у меня будет дополнительная информация о нашей оппозиции, надежная, железная, поверишь?

– Если действительно надежная, то да.

татов отказался утвердить Гайдара премьер-министром, президент Ельцин предложил парламентариям для рейтингового голосования несколько кандидатур. В итоге за Гайдара было подано 400 голосов, за Черномырдина – 621. Наибольшую поддержку получил секретарь Совета безопасности Юрий Скоков – 637 «за», но президент остановил свой выбор на Черномырдине.

– По рукам.

– Вы хотите сказать, что только у вас всё видят и замечают, а доблестные чекисты слепы и глухи? – уточнил Алексей, берясь за ручку двери.

– Не слепы и не глухи, но в драку не полезут. Им августа девяносто первого года хватило. Они ученые, подставляться не станут. И напрасно вы с Иваном Минаевичем игру затеяли.

– Что?

– Сам знаешь, что, – ласково отозвался Михаил Евгеньевич.

– Предлагаете за вас сыграть?

– Ты сам писал, что это не футбол, и ставки другие. Весной, когда съезд в Москве за импичмент президента голосовал¹³.

– Память у вас профессиональная, – искренне восхитился Алексей. – Но чем ваша сторона лучше той, другой?

– Мы не сажаем и даже митинговать даем. А Мясоедов будет сажать, – выложил свой ключевой аргумент помощник полпреда. – Поговори со Станиславом, только один на один, без свидетелей. Вашу газету многие выписывают и читают. Не поддерживайте красных, не надо.

Интервью со спикером областного парламента, готовое к согласованию, Алексей второй день таскал с собой. Сейчас

---

¹³ В марте 1993 г. за отрешение президента Ельцина от должности проголосовало 618 депутатов при необходимом минимуме в 699 голосов.

у него возникло чувство, будто в сумке лежит что-то очень горячее и неудобное.

Референт, прибывший от Ивана Минаевича, уже минут сорок ждал в редакции. Светлана Анатольевна метнула на Алексея выразительный взгляд, а Валерий Тихонович вздохнул так, что со стола едва не разлетелись бумажки. Посланник спикера, однако, претензий не высказал. Примостившись на краешке общего дивана, он взял интервью, водрузил очки на нос и стал читать, шевеля губами. Референт был морщинист и седовлас и, видимо, прошел основательную бюрократическую школу.

– Всё хорошо, вопросов нет, – заключил он, проделав свою работу.

– Распишетесь? – обратилась к нему Светлана Анатольевна.

– Конечно, – он кивнул и оставил на каждой странице свой росчерк.

Фото к материалу было утверждено заранее, и референт, распрощавшись со всеми, удалился. Через несколько секунд под окнами заурчала увозившая его «Волга». Алексей, переложив дальнейшую заботу об интервью на Валерия Тихоновича, вышел в коридор. Шеф стоял там и курил возле банки из-под горошка. По удачному стечению обстоятельств он был один.

– Вам от Зимина привет, – сказал Алексей.

Шеф окутался дымом.

– От друга твоего, серого кардинала?

– Издеваетесь?

Станислав Петрович достал сигарету изо рта, посмотрел задумчиво.

– Кроме приветов что-нибудь есть?

Алексей передал ему пожелание помощника полпреда. Повисла тишина. Докурив, шеф ожесточенно почесал бороду.

– Большевики они тоже, – произнес он печально.

– Вы про демократов наших?

– Про кого же еще?

Оба опять помолчали.

– Он мне дотацию выбьет? – спросил Станислав Петрович другим тоном.

– Об этом у нас беседы не было, – сознался Алексей. – Может, вы сами с ним пообщаетесь?

– Посмотрим.

Шеф закурил еще одну.

– Помнишь, как в Москву ездили? – усмехнулся он.

Забывать такое Алексей не мог. Столицу они посетили в первых числах марта. Огромный город был неприветлив и грязен. Старинное здание на Страстном бульваре, где базировалось министерство печати, изнутри оставило впечатление чего-то временного. Нынешние обитатели заехали в него недавно и сами, кажется, не были уверены, надолго ли. Ста-

нислав Петрович оформил однодневную командировку на двоих, крепко надеясь решить проблему финансирования. Сразу стало ясно, что надеялся он зря.

Чиновник, который курировал их регион, слушал приезжих рассеянно. На столе у него были горы бумаг в папках или просто подколотых скрепками. Наверняка изрядную их долю составляли прошения подобного рода.

– Вряд ли что-то возможно в ближайшее время, – без всякого выражения в голосе ответил куратор. – С бюджетом очень напряженно.

Станислав Петрович что-то пробормотал искательно.

– У вас есть свои учредители, надо сотрудничать с ними, – не меняя тона и тембра голоса, посоветовал чиновник.

Оба вышли из кабинета, как оплеванные.

– В одно место съездили, – двусмысленно подытожил Алексей и чуть не прибавил выражение покрепче, когда шеф пихнул его под локоть.

– Смотри! Министр идет, – шепнул он.

Министр печати свободной России был похож на профессора со своей бородкой-эспаньолкой и очками в тонкой золотистой оправе. Он грузно шагал к парадной лестнице, ведущей на первый этаж, и на ходу пытался застегнуть дубленку. Рядом с ним не было ни помощников, ни адъютантов.

– Давай на колени перед ним бухнемся, – горячо шептал шеф. – Дескать, не погуби, отец родной...

Министр уловил некое движение воздуха и покосился в

их сторону.

– Здравствуйте, – поприветствовал его Станислав Петрович.

– Добрый день, – отозвался главнейший из кураторов, замедляя шаг.

«Бухнется или нет?» – подумал Алексей с интересом.

Шеф смотрел на министра, министр на шефа. По парадной лестнице кто-то громко затопал, сбивая снег с ботинок. Станислав Петрович отступил на полшага назад. Момент для битья челом был упущен.

Потом, уже в глубоких сумерках, они наведались в Белый дом на Краснопресненской. Депутат из соответствующего комитета запросто принял их после звонка от другого депутата. Он дал пространное интервью о судьбах прессы, борьбе за свободу слова и гражданской совести и закончил тем, что выразил искреннее сочувствие. Кроме сочувствия, гости с периферии не дождались ничего.

– Видите, какая ситуация, – развел руками депутат. – Никто не знает, что будет завтра.

– Мне кажется, он сам от денег не отказался бы, – поделился своими впечатлениями Алексей, когда они миновали охрану и очутились на улице.

– Или от квартиры и должности в министерстве, – кивнул Станислав Петрович.

Пока они беседовали с парламентарием, над Москвой разыгралась метель. Белый дом светил сквозь нее сотнями

огней, словно бросая вызов стихии. Гигантское здание нависло над головами, подобно кораблю. На ум Алексею внезапно пришло сравнение с «Титаником»...

Станислав Петрович смял окуроч, оборвав сеанс воспоминаний.

– Надо прибиваться к какому-то берегу, иначе не выживем, – сказал он твердо. – Я отвечаю за газету, это мое детище. Вот и весь сказ.

В ресторан «Восход» на окраине города Алексей приехал последним, вместе с машинисткой Тоней, которая задержалась в редакции, добывая какую-то бесконечную финансовую справку. Сам он в это время листал подшивку и критически перечитывал свои предыдущие творения. Остальные коллеги уже были на месте и праздновали на всю катушку.

– А-а, наш самый способный дебютант! – прокричал, увидев его, старший корреспондент Авдеев.

Судя по раскрасневшемуся лицу, он успел поднять не один тост. Алексей в ответ скромно улыбнулся.

– Садись поближе! – позвал друг творческого коллектива и соучредитель газеты Виктор Хромов. – У нас тут место есть, специально берегли.

За двумя сдвинутыми столиками с общей скатертью расположились он, Станислав Петрович, Валерий Тихонович, говорливый Авдеев и Юлия Абрамцева. Свободный стул был между Виктором и Юлей. Зам редактора мигом налил ему

полную рюмку «Распутина»¹⁴.

– Дважды обезображен, – пошутил Алексей, пародируя известную всем рекламу.

– Не бойся, пей! – подбодрил его Валерий Тихонович, тоже набравший приличный ход.

– За что пьем?

– За удачу! – провозгласил шеф.

Дополнений и замечаний не последовало. Водка ударила Алексею в голову, наполнила жаром желудок. Пробежав почти весь день, он толком не пообедал и не поужинал. Сейчас это сказывалось. Юля подвинула к нему салатницу с маринованными грибами.

– Мясо бери, не стесняйся. Грибы так себе закуска, – подмигнул Валерий Тихонович, явно настроенный благодушно.

– Мясо убитых животных вредно, – прокомментировала Юля.

– Мужикую нельзя быть вегетарианцем, – возразил Виктор, налегавший на шашлык. – Иначе как он с женщиной справится?

Алексей последовал его совету, но и грибами не пренебрег.

– Хорошо пишешь, мне нравится, – сказал ему соучредитель, когда опрокинули еще по одной.

---

¹⁴ Немецкая водка «Распутин», пришедшая в Россию в 1992 г., стала очень известной благодаря массивованной телевизионной рекламе («Настоящий только с волшебным портретом»).

– Мне пока учиться и учиться, – ответил Алексей, припоминая разговор с братьями-предпринимателями.

– Все мы учимся. Видишь, жизнь какая?

– Непредсказуемая.

– Абсолютно, – кивнул Хромов. – То ли полный вперед в капитализм, то ли придет завтра матрос Железняк и всё отберет. Давай, хочу с тобой персонально выпить.

Они чокнулись и повторили.

– А твоя соседка почему пропускает? – аппетитно хрустя огурчиком, поинтересовался Виктор.

– Спасибо, я не увлекаюсь, – вежливо пояснила Юля.

– Здесь никто не увлекается. Выпей с нами, праздник всё-таки! Три года газете, – повысил голос друг и союзник редакции.

Валерий Тихонович ловко налил каждому. Глаза его блестели.

– Слава, ты его цени, – обратился Хромов к Станиславу Петровичу. – Он парень молодой, может далеко пойти.

От таких похвал Алексею стало неуютно. Он пробормотал что-то вроде «Да ладно вам!» и перевел взгляд на Юлю. По случаю банкета она оделась в облегающую черную водолазку и длинную, тоже черную юбку из шелестящей ткани. Водолазка очень выгодно подчеркивала ее бюст. В разрезе юбки были видны модные колготки, продававшиеся на вещевом рынке под заграничным брендом.

От спиртного на щеках у Юли тоже появился румянец.

Алексей чуть подвинулся вместе со стулом, и его нога оказалась рядом с ногой соседки.

– Давайте за нашу команду, – предложил он, закусив и чуть послушав, как шеф с учредителем спорят о бизнесе и политике. – Один в поле не воин.

Виктор хлопнул его по плечу.

– Правильно! Поехали.

Алексей захмелел быстро. Юля, кажется, еще быстрее. Вегетарианская закуска против сдвоенного «Распутина» не помогала. Народ, начавший пить раньше, ощутил потребность в музыке. На мало-мальски достойный оркестр денег у Хромова, видимо, не хватило, поэтому корреспондент Лысенко использовал свою личную гитару. Репертуар Алексей знал наизусть. Все произведения регулярно звучали в редакции, на днях рождения сотрудников.

Сначала исполнили «Вот кто-то с горочки спустился». Запевала главбух Тамара Ивановна. Потом выпили и закусили снова, и раздалось «Я люблю тебя, жизнь». Алексей, не имевший склонности к хоровому пению, в такт музыке постукивал вилкой по тарелке. Юля, наоборот, пела вместе со всеми, чуть покачиваясь из стороны в сторону. Лысенко прервался, откашлялся и начал про мадам Анжу. Атмосфера праздничной вечеринки становилась совсем непринужденной.

– В Сибирь-то поедешь, в Ачинск? – тихонько спросил Алексей, подавшись к Юле.

– Если шеф отпустит, поеду, – ответила она ему на ухо. –

Поехали со мной.

– Да брось.

– Боишься?

– Боюсь, конечно.

Она сделала огромные глаза.

– Авессалома?

– Нет, тебя.

Юля засмеялась и зарумянилась сильнее.

– Почему?

– Ты с колдунами знаешься, с нечистой силой, – изобразив каменное лицо, сказал Алексей.

Юля засмеялась громче, запрокинув голову. У нее была красивая белая шея. Хор грянул «Виновата ли я». Тамара Ивановна, кося глазом в их сторону, превзошла сама себя по части вокала. Алексей сделал еще одно движение, и его нога уперлась в колено Юли. Сделалось жарко, как от дополнительной порции водки.

– Каждый раз одно и то же, – прошептала Юля.

– Всё можно исправить, – отозвался он, губами дотронувшись до ее уха.

– Как?

– Ты не знаешь?

Юля встала со стула и вышла первой. Алексей направился за ней спустя минуту. Коллектив к тому времени разбился на малые группы и никак не реагировал на внешние раздражители. Шеф с учредителем курили прямо в зале, стряхивая пе-

пел на блюдца, и что-то вполголоса обсуждали. Виктор делал энергичные жесты. Вероятно, он оставался при особом мнении. Лысенко продолжал наигрывать на гитаре в компании с главбухом. Они сидели на фоне огромного панно с изображением звездного неба и космонавта в скафандре. Ресторан свято хранил антураж эпохи Гагарина.

Когда Алексей и Юля, забрав куртки в гардеробе, двинулись прочь из заведения, в спины им опять ударила песня. Редакционный хор отдавал дань мореходному прошлому шефа.

*– Сотни тысяч бед за нами следом
Бродят, как надежная охрана,
Плюньте, кто пойдет на дно последним,
В пенистую морду океана!..¹⁵*

Юля жила неподалеку, и путь пешком до ее дома занял от силы минут пятнадцать. То было двухэтажное деревянное строение, возведенное после войны пленными немцами. Доски под ногами жалобно скрипели. Грязная лампочка в подъезде светила едва-едва. Отовсюду веяло пылью, старинной и бедностью.

В пустой квартире их встретила кошка тигровой масти, худая как спичка.

– Она тоже вегетарианка? – сострил Алексей.

---

¹⁵ Популярная дворовая песня «Мой корабль», считалась народной. Автор – поэт и бард Сергей Шабуцкий.

Его спутница без слов зашла на кухню и водрузила чайник на плиту. Взяла спичечный коробок, но зажечь спичку он ей не дал. Сначала крепко обнял ее, так что она издала негромкий стон, а затем принялся целовать. Губы у Юли были необычные, чуть солоноватые на вкус.

— ...сними, — донеслось до него, когда он на секунду отпустил ее.

Черная водолазка полетела на пол. На следующем этапе Юля помогла ему. Ее плотные груди, как мячики, выпрыгнули навстречу Алексею. Шелестящая юбка последовала за водолажкой.

— Осторожнее, — успела попросить она, с его помощью избавляясь от колготок.

До комнаты они так и не добрались. Алексей повалил ее на пол в кухне, одним движением успев подстелить свою куртку. Юля дышала всё громче и всё быстрее. Глядя в огромные глаза девушки, он рванул с нее трусики.

— Нет! — вдруг выкрикнула она, изгибаясь и перекатываясь влево, прямо на голый пол.

Алексей опешил.

— Ты что?

Подхватив с пола юбку, Юля скрылась за дверью. Алексей неловко поднялся и, чуть помедлив, шагнул за ней в комнату. Юля сидела на застеленной кровати, поджав ноги и обернув юбку вокруг бедер.

— Что случилось?

– Ничего, – ответила она.

– Я тебя обидел?

– Нет.

– Тогда в чем дело?

– Ни в чем.

– Объясни всё-таки.

– У тебя кто-то есть, – тихо сказала Юля.

– У меня?!

– Да. Может быть, в мыслях.

Алексей посмотрел на нее исподлобья, махнул рукой и вернулся на кухню. Там он быстро оделся, поднял и тщательно отряхнул куртку. Не говоря ни слова и даже не попрощавшись, вышел на лестничную площадку и захлопнул за собой дверь. Гулкое эхо разнеслось по всему подъезду и, кажется, по соседним тоже.

Путь до трамвайной остановки он проделал стремительным шагом. «Иди ты в ж...», – несколько раз повторил он вслух, делая отмашку при ходьбе. Хмель выветривался из головы.

С трамвая Алексей удачно перескочил на любимый троллейбус. Уже держась за поручень перед выходом, он поддался необъяснимому импульсу, резко повернул голову и оглядел пассажиров. Его внимание привлек молодой человек, сидевший в конце салона. Даже не он сам, а его вельветовая кепка, надвинутая на глаза. Если Алексей не ошибся, ее владелец ехал с ним раньше в одном трамвае.

Диалог-3

– Ты уверен, что это надо?

– Уверен.

– У журналистов язык за зубами не держится. А он нам ничем не обязан.

– Будет обязан как раз.

– Не проще ли денег дать, если он тебе нужен?

– Не проще. Можем только всё испортить.

– Деньги еще никому не мешали в этой жизни.

– Здесь другой случай.

– Идеальный?

– В каком-то смысле да.

– Ну, смотри сам, Михаил... Ты с ним общаешься. Я бы оперативной информацией так запросто не разбрасывался.

– Всё получится, не тревожься. Что бывшие твои коллеги, следят за ним?

– Да, опять сидели на хвосте.

– А твоя бригада?

– Как ты просил, приглядывают.

– Не засекли их?

– Я набирал в свою службу не худших, а лучших. Худшие в конторе остались.

– Извини.

– Ничего, проехали.

– Пусть еще походят и приглядят, ладно? Мало ли, что этим, из конторы, померещится...

Глава четвертая

16 сентября, четверг

Дело близилось к обеду, но в редакции было пустовато. В общей комнате за столами молча сидели Станислав Петрович и Светлана Анатольевна. Валерий Тихонович отсутствовал по состоянию здоровья. Из корреспондентов наутро после банкета в срок явилась только Юля. Устроившись в предбаннике напротив машинистки Тони, она строчила что-то на стандартных листах бумаги своим размашистым почерком.

Увидев Алексея, Юля перестала писать и неуверенно улыбнулась.

– Привет.

– Привет, – быстро ответил он, не делая попытки задержаться возле нее.

Шеф вяло пожал ему руку.

– Досидели нормально? – спросил его Алексей.

– Голова мутная, побаливает. Старею, наверное, – у шефа действительно виднелись мешки под глазами.

– «Распутин» вроде настоящий был.

– Хромов нас травить не станет, – заметил шеф. – Хотя вместо кабака лучше пусть типографии заплатил бы.

На столе перед ним опять были разложены рукописи местных поэтов. Отдельно, веером, лежали проявленные и распе-

чатанные фотографии с митинга. Кашин отработал на пять с плюсом, каждое фото было достойно выставки. Мясоедов у микрофона, сжавший кулак, с полуоткрытым ртом и прямо гипнотическим взором, действительно, напоминал то ли Троицкого, то ли Геббельса. Черно-белая бумага усиливала впечатление, добавляя сходства с кинохроникой.

– Не звонили тебе из Москвы?

Алексей отрицательно покачал головой.

– Понятно. У них там своя тусовка.

Они поняли друг друга без лишних слов. Во время мартовского визита им довелось познакомиться с еще одним незаурядным человеком. Их свел бывший однокурсник Алексея, который полтора годами ранее перебрался в столичный вуз. Володя (так его звали) обитал в Доме аспиранта и студента в Коньково, делил апартаменты с каким-то бойким дагестанцем. Его сосед вечно пропадал где-то, занимаясь бизнесом вместо учебы. А Володя ударился в политику. Примкнул к патриотическому лагерю, повесил на стену подробную карту бывшей Югославии, где гремела война между хорватами, сербами и мусульманами, и бурно восхищался одним из лидеров нового поколения. То было его собственное определение – про новое поколение.

Ни один Володин приезд на малую родину не обходился без рассказов на эту тему. Алексея в конце концов разобрало любопытство. Станислав Петрович не возражал, и Володя устроил им встречу со своим предводителем. Для этого при-

шлось отправиться в Кунцево, а от станции метро еще минут двадцать пилить на двойном «Икарусе» типа «гармошка». Положа руку на сердце, Алексей ожидал увидеть экзальтированного субъекта из числа тех, на которых он налюбовался еще на съезде Фронта национального спасения¹⁶. Однако лидер оказался иным.

Ни малейшей экзальтации в нем не было. Он держался естественно и в то же время с достоинством. Роста был скорее среднего, но, вероятно, из-за манеры поведения казался выше. Правильными чертами лица и прической походил на одного из истинных арийцев из «Семнадцати мгновений весны». Вообще, форма ему подошла бы. И еще очень спокойно и уверенно смотрели на собеседников его светло-серые глаза.

- Иван, – просто представился он, пожимая руки гостям.
- А по отчеству? – уточнил Станислав Петрович.
- Васильевич, – так же без затей ответил лидер.

Володя глядел на него, не скрывая восхищения. Иван жестом предложил гостям сесть. Сам занял место за простым письменным столом, над которым висел черно-желто-белый флаг.

Станислав Петрович начал беседу издалека, с общей дис-

---

¹⁶ Фронт национального спасения (ФНС) был создан как коалиция национал-патриотических и левых партий и движений. Его учредительный конгресс состоялся 24 октября 1992 г. в Парламентском центре Верховного Совета РФ. Политику Ельцина и его команды авторы манифеста ФНС называли «политикой национальной измены».

куссии. Он недавно перечитывал Шульгина¹⁷, и в его речи применительно к текущему моменту сразу проскользнули антисемитские нотки. Лидер вежливо слушал, не перебивая. Когда красноречие редактора иссякло, он так же спокойно, как здоровался, заметил:

– Для нас это не главное.

Станислав Петрович едва не поперхнулся.

– Как же? А Гусинские, Смоленские, Ходорковские...

– Для русского национального движения они особой опасности не представляют.

– Но это же паразитический капитал в чистом виде!

– Я бы не упрощал, – сдержанно возразил тезка грозного царя.

Володя, кажется, готов был конспектировать.

– Мы видим опасность, идущую с другого направления, – пояснил лидер. – Исламский мир поднимает голову, а он гораздо страшнее здешней еврейской диаспоры. Вам не довелось пожить на Кавказе или в Средней Азии?

– Нет, – развел руками Станислав Петрович.

– А я родился и вырос в Казахстане. В нашем центральном совете есть ребята из Таджикистана, Туркмении, Чечни. Они оттуда уехали, но многое могут рассказать. С Гусинским или Смоленским вы еще сумеете договориться, хо-

---

¹⁷ Василий Шульгин (1878-1976) – один из лидеров русских националистов и монархистов во время революции 1917 г. и Гражданской войны, депутат Государственной Думы. Был известен как оратор, публицист и писатель, автор книги «Что нам в них не нравится». Сам себя называл антисемитом.

тя поторгуется, конечно. Ислам просто перепрограммирует мир под себя. Он не оставит нам ни единого шанса.

– Как же тогда империя? Ведь вы сидите под имперским флагом...

– Не надо никакой империи, – невозмутимо ответил Иван. – Она чуть не погубила русский народ. Национальное государство – вот что нужно. Здесь мы готовы учиться даже у Израиля, который из мечты стал реальностью. Что касается флага, то другого у русских националистов пока нет.

Алексей рассматривал его с возраставшим любопытством.

– Куда же вы денете кавказцев, азиатов... да все наши национальные республики, в конце концов? Ту же Чечню, Татарстан, Туву, Башкирию, Якутию? – разойдись, не мог успокоиться Станислав Петрович.

– Русских в Российской Федерации восемьдесят пять процентов. Почти столько же французов во Франции, а она не считается многонациональным государством, – заметил лидер нового поколения.

Станислав Петрович предпринял попытку сказать что-то еще, но был остановлен взмахом руки.

– Тем, о ком вы говорите, придется принять наши правила и наши законы, – продолжал лидер. – Россия является государством русского народа, и это аксиома, это не обсуждается. Все ключевые решения должна принимать русская элита. Попытка реанимировать Советский Союз в границах РФ

приведет к одному – к развалу и этой страны. Попытка собрать воедино бывшие союзные республики даст тот же результат, только крах наступит гораздо быстрее. Я понятно объясняю?

– Вы сказали про элиту. Насколько она сейчас русская, по вашему мнению? – вмешался Алексей.

– Увы, в крайне малой, даже ничтожной степени, если говорить о ее самосознании, – констатировал собеседник. – Поэтому наша важнейшая задача – создать такую элиту. Мы отдаем себе отчет в том, что это продолжительный процесс.

– Ну а сейчас на чьей вы стороне? За Ельцина или за Верховный Совет?

– Эта война не наша, – ясно обозначил свою позицию Иван.

– Но другие патриотические партии...

– У них свое понятие патриотизма, а у нас свое. Если русские националисты блокируются с красными, то их, скорее всего, раздавят, не дав толком организовать. Ельцин, Хасбулатов, их ближайшее окружение – это всё старая советская элита. Как вы верно подметили, они большевики, – тут лидер сделал кивок в сторону Станислава Петровича. – С большевиками нам не по пути.

– У властей реальная сила, ресурсы, – заметил Алексей.

– Верно. А кто обещал, что будет легко? Национальные государства не рождаются в одночасье, – ответил Иван, и его глаза блеснули сталью.

– Вас много таких? – довольно бестактно брякнул Станислав Петрович.

Лидер улыбнулся, его взор чуть потеплел.

– Пока не очень. Но я надеюсь дожить до успеха нашего дела.

Беседа продлилась еще какое-то время. Штаб-квартира движения была скромной, помещаясь в цоколе жилого дома. Кроме Володи, они увидели нескольких его соратников. То были молодые люди, лет двадцати – двадцати пяти, тоже спокойные и очень немногословные, одетые небогато, но аккуратно и чисто. Все чем-то неуловимо походило на своего вождя.

Шеф завел привычную пластинку о сотрудничестве с последующим выходом на финансирование. Лидер улыбнулся чуть шире.

– У нас пока не так много возможностей. Но... в принципе ничего не исключаю.

Попрощались вполне тепло. Володя проводил земляков до автобусной остановки. При расставании с ним Алексей не утерпел и спросил в лоб:

– Слушай, вот это всё насколько серьезно? Движение, поколение, лидер?

– Понимаешь, – на удивление рассудительно ответил Володя, – хрен его знает. Но тут хотя бы шизоидов нет, и комсомольцев тоже. Не переносу я их на дух, достали.

– Этот фюрер не того масштаба, – резюмировал шеф, когда они вышли в коридор, подальше от коллег.

– Масштабы иногда меняются, – неуверенно напомнил Алексей.

– Долго ждать, не дотянем.

Дверь редакции открылась, и показалась голова Светланы Анатольевны.

– Секретничаете?

Алексей улыбнулся.

– Вас бережем от пустой болтовни.

– Ну-ну. Слава, у тебя телефон два раза уже звонил, – сообщила голова и скрылась.

– Нам сильный союзник сейчас нужен, а не потом, – развил свою мысль Станислав Петрович и резко сменил тему. – Что там у тебя в планах? О чем писать думаешь? Авессаломы эти, маги, волшебники, знахари уже достали. Читатели меня письмами засыпали, ругаются, что газета в натуральное мракобесие погрузилась.

– Скандалы по-прежнему приветствуются?

– Только фактуру проверяй. Не хватает нам еще на иск нарваться.

– А если это очень большие люди?

Шеф посмотрел как-то обреченно.

– Например?

– Например, наш народный губернатор.

Алексей готовился к жесткому спору, но спора не после-

довало.

– Пиши, если уверен, – благословил его шеф.

– С коммунистическим приветом?

Мила улыбалась ему, но как-то кривовато. В приемной, на столе перед ней лежал свежий номер «Трибуны», открытый на развороте со спикером. Она успела что-то пометить в нем ядовито-зеленым фломастером. Алексей тоже улыбнулся, и вышло совсем неискренне.

– Что-нибудь не так?

– Да нет, всё по законам жанра.

– Мы же самые ярые демократы, всем слово даем, – пошутил Алексей.

Иван Минаевич в газете смотрелся победоносно. «А судьи кто?» – пылко вопрошал он своих политических оппонентов. Было ясно, что в роли обвиняемого он себя не видит. Скорее наоборот.

Стремительно распахнулась дверь кабинета. Полпред президента и его помощник вышли вместе, наместник на полкорпуса впереди. Увидев Алексея, Михаил Евгеньевич прищурился. В глазах у него играла смешинка. Ни слова не говоря, полпред демократично пожал Алексею руку и умчался. Занятия теннисом, о которых злословила оппозиция, явно шли ему на пользу.

Михаил Евгеньевич обогнул стол, за которым сидела Мила, не спеша взял в руки газету и полюбовался фотографией

Ивана Минаевича.

– Воспели? – спросил он, но не зло.

– Хотите, в следующем номере интервью с вами будет, а статью отложим? – отреагировал Алексей.

– Хочу, но всё никак не соберусь, – без иронии ответил помощник полпреда.

– Правда?

– Почему нет? Рассказал бы, как жил до перестройки, как в политику подался. На самом деле есть такая идея. «Привратник» предлагал мне на эту тему побеседовать, но я лучше с тобой пообщался бы.

– Заманиваете?

Михаил Евгеньевич потер пальцами виски. Белки его глаз были в тонких красных прожилках: то ли от недосыпания, то ли от чтения бесконечных бумаг.

– Даже не думал заманивать. И куда?

– Братьям привет передавать? – без церемоний спросил его Алексей.

Мила удивленно уставилась на него. Повисла неловкая тишина. Михаил Евгеньевич кивком указал на дверь, потом проследовал за Алексеем в коридор и далее по нему.

– При Людмиле не надо, – тихо сказал он уже на лестнице.

– Разве она не ваша?

– Всё равно не надо. Она знает то, что ей положено знать.

– Значит, вы с братьями на одного начальника работаете?

– Сам вычислил?

– Сам. Методом исключения, – подтвердил Алексей.

– Мы с Георгием со стройотряда знакомы, с семьдесят первого года. Начальники и подчиненные это не про нас, – объяснил Зимин.

– Информацию из жизни отдельных коммерсантов дядя Коля собирает?

Алексей ощутил нечто вроде попутного ветра. «Белых пятен» в этой истории для него почти не осталось.

– Какой дядя Коля?

– Полухин.

Михаил Евгеньевич оглянулся. Лестничный пролет был пуст.

– Не произноси эту фамилию.

– Здесь?

– Вообще.

– Почему?

– Для своей же безопасности.

– Ого...

– А ты думал? Это и есть борьба за власть.

Мимо рысцой пронесся румяный юноша в распахнутом пиджаке и с папкой подмышкой. Похоже, спешил на очень важное совещание. Алексей выждал, пока он удалится на приличное расстояние и спросил еще:

– Ваш полпред хочет стать губернатором?

– Хочет, – кивнул Михаил Евгеньевич.

– Вы уверены, что поступаете правильно? Если будут вы-

боры, его не изберут. Не очень-то он народный.

– Ну, от назначения до выборов может пройти много времени. У нас проблемный регион, и Москва сейчас не даст добро на такой эксперимент. Во всяком случае, мы не советуем рисковать. Полпред на днях, с моей подачи, отправил аналитическую записку в администрацию президента, – сообщил Зимин.

– И за это самое время, при отложенных выборах...

– ...мы надеемся разгрести все конюшни, – закончил за Алексея его визави.

– А наша газета вам потребовалась, потому что она до сих пор никем явно не ангажирована? «Привратник» слишком ярко выступал за реформы?

– «Привратник» слишком наш, ты прав.

Алексей помолчал немного.

– Продолжаешь сомневаться? – деликатно поинтересовался Михаил Евгеньевич.

– Мой шеф говорит, что вы тоже большевики.

Помощник полпреда снова помассировал виски и вздохнул.

– Станислав по натуре немного романтик. Я его в чем-то понимаю. Но мы практики, нам некогда рассуждать.

– Знаете, и я ведь понимаю тех людей, которые не вписались в новую жизнь. И вашу правду понимаю. Или думаю, что понимаю. Очень сложно всё, – честно признался Алексей.

Михаил Евгеньевич неожиданно, по-доброму, улыбнулся.

– Обязательно дам тебе интервью. Вопросы можешь заранее не показывать.

– Спасибо. Кстати, Игорь тоже за вашу команду играет, вместе с братьями?

– Какой Игорь?

Судя по интонации, Зимин на самом деле удивился.

– Неважно, – ответил Алексей.

– Прости, не знаю, о ком ты. Они наводили у меня справки, я сказал, что с тобой можно пообщаться. Так уж совпало. А дальше тебе решать.

Опять повисла пауза, которую нарушил Михаил Евгеньевич.

– Пиши телефон.

– Чей?

– Киреевых. По старому номеру им больше не звони.

– Вы уверены, что я позвоню? – спросил Алексей, вытаскивая ручку и блокнот.

Уехать можно было прямо с площади, но Алексей специально решил прогуляться по проспекту Борцов до следующей остановки. Новым номером Киреевых он воспользовался сразу после расставания с Зиминим. Для этого, как обычно, пригодился бесплатный телефон в будке около дежурного милиционера.

На вызов ответил Георгий Никитич. Алексей уже научил-

ся различать братьев по интонации. Договорились увидеться ровно через час в новом микрорайоне. Адрес был совершенно незнакомый, ни о чем не говоривший, и минуты три ушло на объяснения, как найти нужный дом.

Времени до встречи хватало с запасом. Мыслей в голове было тоже с избытком. Главная из них сводилась к простой формуле: «Какого чёрта мне это надо?» Ответ никак не приходил сам собой. Они все ведут свою игру, у всех них свои интересы, повторял сам себе Алексей. В чем его собственный интерес, было не вполне ясно. Едва ли таковым могло считаться расплывчатое редакционное задание...

– Алексей Николаевич, не спи!

Он обернулся на знакомый голос. Максим, видимо, только что вышел из книжного магазина. По случаю потепления он снял куртку и перекинул ее через ремень своей сумки. Ремень опасно натянулся, но выдерживал нагрузку.

– Ты в библиотеку или из нее?

Оба засмеялись. На «Студенческой весне» про них сочинили эпиграмму. Смысл ее заключался в том, что книги, рекомендованные к очередному семинару, всегда оказывались у Алексея или Максима. Университетская библиотека выдавала не более десяти наименований в одни руки, но друзья постоянно ухитрялись переписывать нужные монографии друг на друга и держать у себя их месяцами.

– Был там вчера, как ни странно, – сказал Максим.

– Заявление в аспирантуру подал?

– Подаю. Но не уверен, что правильно поступаю.

– Ты же хотел, – удивился Алексей.

– Дело не в моем хотении. Есть вариант с Москвой.

– По стопам Володи?

– Не совсем. Он в политологи метит, а меня на славяноведение и балканистику зовут.

– Гарантии последующего трудоустройства?

– Никаких.

– Трудный выбор.

Максим глубоко вздохнул.

– Мучительный даже. Здесь можно будет полноценно заниматься, хоть и сидя на диете. Дома всё-таки, с родителями.

В Москве никакая диета не спасет, аспирантская стипендия – сущие копейки. Там еще работать придется.

– Шабашки науке не способствуют.

– Именно.

– О том ли мечтали, да?..

– Тебя ведь тоже что-то гнетет? – вопросом на вопрос ответил Максим.

– Заметно?

– Мне да.

– Гнетет, – сознался Алексей. – Занесло в профессию, теперь мучаюсь.

– Не то?

– В широком смысле то, но тоже выбирать приходится.

– Предложение поступило?

– Пожалуй, да, – Алексей замялся.

– Говорить пока нельзя? – уточнил Максим.

– Слово дал.

– Если дал, держи.

– Тяжко. Посоветоваться вообще не с кем.

– Не знаю, смог бы посоветовать что-то или нет. Очень специфическая у тебя профессия, не по мне, – признался Максим.

– Понимаешь, не в профессии проблема. Скорее в людях, – попытался объяснить Алексей. – Скажем так, я с ними не на сто процентов согласен, в чем-то даже совершенно не могу согласиться, но по-человечески они мне интересны... Я, наверное, муть несу? Ничего не понятно?

Друг смотрел на него с интересом.

– Кого мне слушать? – продолжал Алексей, невольно повысив голос. – Свою интуицию? Шефа? Других людей?

– Жаль, что тебе рассказывать об этом нельзя, – задумчиво сказал Максим. – Я так понимаю, как раз от этих людей предложение пришло. Другая редакция? Переманивают?

– Нет, что ты! О другой редакции я даже не думаю.

– Политика?

– Не пытай, – Алексей отмахнулся, – не скажу всё равно.

– Напустил ты тумана.

– Да, и сам в нем блуждаю.

Максим поглядел на часы.

– Извини, мне бежать надо.

– Ты меня извини, – смутился Алексей. – Плел-плел, а толком ничего не сказал.

Он уже протянул Максиму руку, когда тот добавил:

– Спроси сам себя, для чего это ремесло выбрал. Ты ведь действительно историком хотел быть. Наукой занимался, как я. А стал журналистом. Что перевесило?

Алексей помедлил с ответом. Тучи над городом, так и не пролившиеся дождем, расступились, выглянувшее солнце отразилось в витрине магазина, ударило в глаза. Он зажмурился на мгновение, потом тряхнул головой.

– Знаешь, я историю выбирал, когда прошлое было куда интереснее настоящего. А теперь видишь, что вокруг нас происходит? История прямо на глазах делается.

– Хочешь делать ее своими руками?

– Ну, это слишком громко сказано.

– Не увиливай, ладно?

Алексей хмыкнул и шутливо погрозил пальцем.

– Тебя не обманешь.

– Семь лет знакомы, – напомнил Максим.

– Пожалуй, ты прав. Нечего вилять. Спасибо, что помог.

– Чем? Издеваешься?

– Даже не думал.

– Обращайся, если что, – улыбнулся Максим. – А я как-нибудь сам со своей аспирантурой разберусь.

Шестнадцатизэтажный дом в новом микрорайоне стоял

чуть на отшибе от своих панельных собратьев. Его балконы были через один выкрашены то белой, то ярко-зеленой краской, и Алексею вспомнились пометки в газете, сделанные Милой. Во дворе, вероятно, по случаю тихого часа не было никого, кроме пенсионера с детской коляской. Из коляски с поднятым верхом не долетало ни звука. Дедушка, занявший позицию на лавочке возле песочницы, клевал носом.

Помня наставление Зимины, Алексей по пути от остановки старался лишний раз не оборачиваться. Тем не менее, отыскивая дорогу, он пару раз окинул беглым взглядом местность вокруг себя, но не заметил ничего подозрительного. Ни сантехников, ни парней в кепках. Дойдя до нужного подъезда, добросовестно изучил всё, что висело на доске объявлений. В подъезде, когда он уже вызвал лифт, его нагнала женщина средних лет с хозяйственной сумкой.

– Вам на какой? – буднично спросила она, когда лифт прибыл.

«Не садитесь в лифт ни с одной живой душой. Если вдруг увидите кого-нибудь на лестничной площадке или на лестнице рядом с нами, проходите мимо, не задерживайтесь и не звоните в квартиру. Вызывайте лифт с любого другого этажа, спускайтесь и уходите. Перезвоните с безопасного телефона, когда будете далеко от дома. Я назову новое время и место встречи». Так инструктировал его Дмитрий Никитич, когда Алексей говорил с ним по телефону. Тогда эти слова предпринимателя-конспиратора показались перестрахов-

кой. Сейчас, в неправдоподобной тишине практически пустого двора и подъезда, на него вдруг накатило ощущение опасности.

– Простите, я забыл кое-что. Вы езжайте, – ответил он как можно спокойнее.

Женщина равнодушно кивнула, зашла в кабину и, не повернув голову, нажала самую верхнюю кнопку. Чуть погодя лифт вернулся без пассажиров. До девятого этажа он тащился, как показалось Алексею, целую вечность. На просторной площадке с четырьмя одинаковыми дверями от застройщика было тоже очень тихо и пусто. С лестницы не доносилось ни звука. От этого журналисту сделалось особенно тревожно, даже ладони вспотели, а сердце забилось часто-часто.

Он тихонько, зачем-то ступая на самые носки, как заправский артист балета, приблизился к двери под номером тридцать три и сделал три коротких звонка. На всех шестнадцати этажах по-прежнему царила тишина, даже лифт больше никто не вызывал. Дверь открылась быстро, без лязга и скрипа. Дмитрий Никитич сделал приглашающий жест, и Алексей нырнул внутрь.

Сразу за типовой входной дверью оказалась еще одна, изнутри обитая толстой кожей. Киреев-старший запер и ее.

– Прошу, – вполголоса сказал он. – Можно не разуваться.

Как и в прошлый раз, в гостиной играла музыка, но теперь ее источником был переносной кассетный магнитофон. Обстановка не имела совсем ничего общего с офисом: ни ком-

пьютеров, ни ксерокса с факсом. Даже письменного стола не обнаружилось, только диван. Мебель была по прежним, советским меркам приличная. Очень похожая стенка, произведенная в ГДР, стояла дома у Алексея. Шторы на окне были задернуты. Вообще, квартира больше походила на аккуратно прибранный гостиничный номер.

– Живете здесь? – осведомился Алексей, когда Георгий Никитич встал с дивана ему навстречу.

– Нет. Тоже в гостях, – усмехнулся бывший вице-губернатор.

– Догадываюсь, у кого.

– Если догадываетесь, то и поминать все необязательно, – закрыл скользкую тему Дмитрий Никитич. – Хвоста не привели?

– Вроде нет. Ощущал себя профессором Плейшнером и пастором Шлагом в одном лице, – сообщил Алексей, усаживаясь в кресло.

От перенесенного нервного возбуждения тянуло хохмить.

– В лифте без попутчиков ехали? – не принял его тона старший брат.

– Тетка садилась какая-то, я её пропустил, потом сам уехал. Точно по вашей инструкции.

– Тетка? Ну-ну... Ладно, проверим.

– Как проверите?

– Как учили. Думаю, этим уже занимаются. Впрочем, давайте к нашим баранам, – предприниматель вынул из порт-

феля знакомую папку. – Миша посвятил вас в детали?

– Миша? – не сразу сообразил Алексей.

– Михаил Евгеньевич.

– Да, конечно.

– Готовы помочь?

– В принципе готов.

– Когда так говорят, обычно выставляют свои условия. Я прав?

«Сто тысяч баксов мелкими купюрами, и деньги вперед», – хотел снова пошутить Алексей, но передумал. Вместо этого задал свой вопрос.

– А вы что готовы предложить?

– Знаете, кто такие Карл Бернстайн и Боб Вудворд? – поинтересовался Дмитрий Никитич.

– Слышал про них или читал, кажется. Пойдите! Новейшая история США, отель «Уотергейт»?¹⁸

– Оценка «пять». Они тоже были начинающими репортерами, но сделали себе имя на всю жизнь.

– То в Америке.

– Надеюсь, за последнее время мы стали ближе к ней, – выразил свое личное мнение коммерсант.

– В поход за именем? – подытожил Алексей.

---

¹⁸ Скандал из-за попытки прослушивания штаб-квартиры Демократической партии США в отеле «Уотергейт» в Вашингтоне привел к отставке президента-республиканца Ричарда Никсона в 1974 г. Вудворд и Бернстайн из «Вашингтон пост» за журналистское расследование этой истории получили Пулитцеровскую премию.

– Почему нет?

– А шансы?

– Вполне нормальные, если сделаем всё без ошибок, – подключился к беседе Георгий Никитич. – Но мы не скрываем: риск есть. Поэтому советую взвесить все за и против.

– Чем рискуем?

– В самом крайнем случае убить могут.

Алексей откинулся в кресле. Оба брата пристально смотрели на него с дивана. Магнитофон работал, The Beatles продолжали играть и петь о чем-то своем.

– Страшно? – прищурился Георгий Никитич.

– Не по себе.

Старший Киреев, который сидел ближе, наклонился к Алексею.

– Зубов бояться – в рот не давать, – сказал он, дохнув запахом крепкого табака.

Днем «Д», по образному выражению Дмитрия Никитича, назначили следующий четверг. На среду, двадцать второе сентября, была намечена сессия областного Совета. Еще на заре перестройки в нем зародилась традиция – первые полчаса отводить под так называемый «свободный микрофон». Любой парламентарий мог поднять любой вопрос прямо из зала, не взбираясь для этого на трибуну, а почтенное собрание и президиум были обязаны выслушать его.

«Свободным микрофоном» пользовались все, кому не

лень. Среди активнейших пользователей значился и депутат Слёзкин по кличке «Робин Гуд». Был он из военных политработников, ходил с юбилейной медалью и знаком «Гвардия» на гражданском пиджаке. Также Слёзкин распространял, но без определенной периодичности, свой листок под названием «Слёзы народа». Де-юре депутат состоял в одной из коммунистических партий с приставкой «рабочая», но де-факто вел самостоятельную политику.

Гвоздем его программы была именно борьба с коррупцией. Слёзкин клялся искоренить эту гидру, декламировал стихотворение Маяковского «Прозаседавшиеся» и, кроме депутатских сессий, не пропускал ни одного митинга оппозиции. Партийные секретари со стажем побаивались его за непредсказуемость, но размежеваться с ним боялись еще больше, ибо он мог направить огонь на их штабы.

Слёзкину в предстоящей операции отводилась роль создателя информационного повода. Получив компромат на губернатора от анонимного сотрудника проверяющих органов, он должен был вслух задать вопрос в духе: «Что это, глупость или измена?» Другим депутатам и гостям предназначались копии выступления. На следующее утро в бой вступала газета, выходя с подробностями скандального дела.

– Не соскочит наш разбойник? – усомнился Алексей, регулярно наблюдавший художества «Робин Гуда».

– Не должен, – ответил младший Киреев.

– Уверены?

– Подстрахуем, – ухмыльнулся старший брат.

Что или кого он имел в виду, Алексей решил не уточнять.

– На другие издания мы не слишком полагаемся?

Георгий Никитич похрустел пальцами.

– Почти все получают дотации из областного внебюджетного фонда. Непорядочно плевать в кормящую руку, сами понимаете.

– Как же наша газета мимо кассы пролетела?

– Ее сначала всерьез не воспринимали, – развел руками бывший вице-губернатор. – Может, из-за объявлений о знакомствах, может, еще из-за чего-то. Потом у Станислава с Маргаритой отношения не сложились.

– С пресс-секретарем?

– Да. Она дама со странностями, но на своего хозяина влияние имеет. Возможно, другие редакции с ней делятся. Тут уж я точно не в курсе, тема совсем не моя и крайне деликатная.

– Ваш главный редактор пойдет до конца? – спросил Дмитрий Никитич, когда участники заговора обсудили все детали.

– Как за себя не поручусь, – честно ответил Алексей.

– Понимаю. Страховка тоже не повредит. Поговорим с Мишей...

Вручая Алексею материалы для статьи, старший Киреев предупредил:

– Не таскайте это по городу без лишней нужды, лучше

пишите дома. И вообще, не оставляйте без присмотра. Вы с кем живете?

– С родителями. Они в мои бумаги не полезут.

– Всё равно держите где-нибудь под замком. А сейчас я вам вызову такси.

– Дорого, не надо, – попытался возразить Алексей. – Я отсюда на автобусе спокойно доеду.

– Делайте, как я сказал! – перебил его Дмитрий Никитич. – Это не простое такси.

– Тебе девушка звонила, – сказала мама, когда он с комфортом пожаловал домой.

Машина с шашечками на борту доставила своего пассажира от подъезда к подъезду. Пока ехали, водитель не обронил ни слова. «Интересно, он из службы дяди Коли? Или просто дружественная фирма?» – гадал Алексей, но потом бросил. Денег с него не взяли.

– Девушка? Что-нибудь передала?

– Вообще ничего.

– Голос знакомый?

– Нет.

«Даша, наверное. Больше некому. Странно, у нее рабочий день давно закончился», – подумал Алексей.

Когда он умылся и переоделся, телефон зазвонил опять. То была Юлия Абрамцева.

– Привет еще раз! Я тут с мамой твоей чуть-чуть пообща-

лась. Ты в редакцию сегодня не вернешься?

– Поздновато уже. А что?

– У меня потрясающая новость!

– Кто кого потряс?

– Я договорилась с известной предсказательницей Надеждой Ссылной. Она завтра даст мне интервью и готова составить индивидуальную программу нам обоим, – зачатила Юля.

– Какую программу? Куда? – не понял Алексей, чьи мысли были совсем не о предсказаниях и предсказательницах.

– Программу на дальнейшую жизнь. Ну, пророчество, если по-простому говорить. Представляешь? У нее вероятность огромная!

– А ссылные тут при чем?

– Ссылная – это фамилия, вернее, псевдоним. Ни разу не слышал?

– Наверное, уже лет сто этим занимается? Старуха такая, с клюкой?

– Тьфу на тебя! Она еще привлекательная женщина, к твоему сведению. Я ее месяц пасла.

– Прости, устал немного. Ты молодец, поздравляю.

– Короче, завтра в половине пятого. Не опаздывай! – велела Юля.

Диалог-4

-...этот Киреев официально числится предпринимателем, консультирует других предпринимателей и юридических лиц по вопросам регистрации малых предприятий и уплаты налогов, выступает представителем в суде. Помещение снимает по договору, как положено. Аренду оплачивает вовремя.

- С органами сотрудничал?

- Нет.

- Выходы на политику?

- Выборных должностей не занимал, в государственных или партийных структурах не работал. В КПСС тоже не состоял.

- Твои люди его слушают?

- Да. Глухо пока.

- Меня больше беспокоит его брат.

- У нас на него тоже ничего нет. Его проверяли перед назначением, чист.

- Нынешние связи? Круг общения?

- Надо брать в разработку. Но такое за пару дней не делается, сами понимаете.

- Тогда скажи просто, перспективное направление или нет? По твоим ощущениям?

- Нас учили на ощущения не полагаться, Фёдор Михай-

ЛОВИЧ.

– Знаю. Но здесь особый случай.

– Ну, если особый... не очень похоже, что ваш клиент.

– А что за неустановленный контакт был у нашего журналиста? Сегодня в три?

– Что-то личное, возможно.

– Возможно?

– В лифт с нашей сотрудницей он не сел, ушел от наблюдения.

– Заподозрил?

– Повода не было.

– Сможете установить, кого посещал?

– В подъезде девяносто шесть квартир. Минус первый и последние этажи... всё равно получается больше восьмидесяти. Проверка по базе ничего не дала. Потребуется оперативные мероприятия, и не факт...

– Ладно, не устраивай ликбез.

– Журналист вас больше не интересует?

– Пусть завтра еще послушают его, понаблюдают. Если не будет ничего ценного, давай отбой. По Киреевым тоже.

Глава пятая

17 сентября, пятница

Схема вывода прибыли из банка «Солидарный» была нехитрой. Банк, прокрутив деньги селян, выдал кредит местному торговому дому «Лаура». Домом руководил бывший начальник цеха завода «Шарикоподшипник», которым раньше командовал сам народный губернатор. Со счета «Лауры» средства утекли в экспортно-импортную фирму «Посейдон» в Новороссийск, а та обратила их в доллары и перегнала на счет компании Andrew Jones Ltd., державшей офис в Лимасоле, на Кипре.

«Посейдон» выступал посредником при закупке товаров народного потребления, которому доверчивая «Лаура» мигом внесла стопроцентную предоплату. До получения твердой валюты зарубежные партнеры вели себя примерно. Затем сделка сорвалась. «Посейдон» одну за другой слал гневные телеграммы на Кипр, требуя от контрагентов исполнения договорных обязательств. Одновременно он оправдывался перед «Лаурой», обвиняя во всем лукавых греков.

Учредителями Andrew Jones Ltd. выступала группа других иностранных компаний. Имена, фамилии и координаты их собственников закон островного государства не раскрывал. Судиться за пропавшие миллиарды тоже никто ни с кем

не спешил. Банк проявил удивительную доброту в отношении «Лауры», а торговый дом, в свою очередь, охотно вошел в положение бессовестно кинутого «Посейдона». Впрочем, и взять с сомнительного Andrew Jones, как следовало из документов, было практически нечего...

– Мило, очень мило, – бормотал Алексей, отстукивая на машинке эту часть своего журналистского труда.

Статья получалась действительно убойная. Рядом с ней расследование «Привратника» об исчезнувшей цистерне молока производило жалкое впечатление. На прошлой неделе коллеги посвятили ему первую полосу и ходили очень гордые делом рук своих. Впрочем, теперь Алексей еще сильнее подозревал, что им элементарно слили информацию из желтоватого дома. Пафос их расследования был до боли знакомым: губернатор, дескать, отчаянно защищает жизненные интересы области, а спекулянты-перекупщики норовят вывезти и распродать всё и вся.

«А выбора-то вообще не было у Михаила Евгеньевича с его полпредом. Ни за что не стал бы «Привратник» разоблачать дорогого нашего Якова Александровича, хоть ребята и за реформы всей душой», – сделал для себя окончательный вывод Алексей.

Телефон стоял под боком, на софе, и он снял трубку после первого звонка.

– Привет, – тихонько сказала Даша.

Политика с экономикой в ту же секунду отъехали куда-то

на второй план.

– Привет, Дашенька, – ответил он. – У тебя всё хорошо?

– Не очень...

Выяснилось, что в фирме у нее сплошная ревизия. Бухгалтерия уже изучает все счета и скоро доберется до услуги связи. Так что вряд ли теперь удастся болтать подолгу. И, может быть, вообще не удастся звонить.

– Я тебе сам позвоню в следующий раз, – пообещал Алексей.

– Правда?

– Конечно.

«Зачем я так?» – подумал он.

– Хочешь, я на Новый год приеду? – спросила Даша.

– Новый год еще нескоро.

– Но ты хочешь?

Ответ прозвучал не сразу.

– Решим, – сказал Алексей коротко.

– Ты не уверен? А ведь я могу.

– Тут никто ни в чем не уверен.

Он отчего-то вспомнил мартовские аудиенции в Москве и чиновника с депутатом, которые не ведали ничего о дне завтрашнем.

– Волнуешься? Тоже какие-то проблемы?

Алексею захотелось сказать ей о том, что будущий четверг, возможно, перевернет всю его жизнь – а, может быть, и не только его. О том, что в машинке у него такой текст, кото-

рого еще не доводилось публиковать ни одной здешней газете. И о том, что он за эти два месяца привык к ее звонкам...

Вместо этого он громко вздохнул.

– Не хочешь меня расстраивать?

– Ну что ты! Откуда проблемам взяться в нашей глуши? –

Алексей постарался придать своему голосу как можно более пренебрежительный оттенок. – Постановления переписываю.

– А какие творческие планы?

Алексей вздрогнул. Между солнечными бликами на оконном стекле ему померещилось лицо Фёдора Михайловича Кобринина с характерным прищуром. Вопрос о творческих планах прозвучал в последний раз на митинге в его исполнении.

– Планы? Даже не знаю.

– Я, наверное, не вовремя тебя беспокою, – совсем тихо произнесла его собеседница из холодного Норильска.

– Перестань, ладно?

– Не забывай меня, – попросила Даша.

Седовласый референт предложил Алексею присесть и с благодарностью принял у него пачку свежих номеров.

– Огромное вам спасибо! Ивану Минаевичу понравилось, – сообщил он. – А газетки мы прямо сейчас в аппарате распространим.

– Иван Минаевич у себя? – поинтересовался Алексей.

– Убыл в командировку, – посочувствовал референт.

– Как? Он же вернулся только что.

– Вернулся и опять уехал. Экстренное совещание в Москве, в Верховном Совете. Руслан Имранович созывает.

– Жаль, шеф с ним повидаться хотел, – сказал Алексей без особого сожаления.

– На следующей неделе всё должно получиться, – заверил его человек спикера и даже покивал в подтверждение своих слов.

Из левого крыла желтоватого дома Алексей, не мешкая, переместился в правое, где сидел полпред со своей командой. Еще через несколько минут он и Михаил Евгеньевич молча покинули приемную. Мила проводила их крайне любопытным взором. Беседа по традиции продолжилась на галерке пустого зала.

– Киреевы вчера передали вашу просьбу, – начал Алексей.

– Я не стал тебе звонить на всякий случай, даже Миле не поручал. Новости поступили очень серьезные, – сказал помощник полпреда.

– Новости? Какие?

– Помнишь, ты хотел фактуры про оппозицию? Надежной, проверенной?

– Да. Откуда?

– Сам всё поймешь, когда услышишь, – Михаил Евгеньевич достал из внутреннего кармана миниатюрный диктофон с лейблом Sony.

На пленке были два мужских голоса. Один рассказывал, второй задавал вопросы, уточнял детали. Начальник принимал что-то вроде подробного рапорта у подчиненного. Судя по постороннему шуму, они ехали в машине, но запись получилась качественной. Импортная техника работала, как часы. Алексей слушал, и его не покидало ощущение, что вокруг не явь, а чья-то фантазия.

Служба безопасности «Интегратора» давно следила за базой отдыха «Луч», которая состояла на балансе у «Авиастроая». Слежка, наконец, дала результат: на базу пожаловали гости. Голос на пленке назвал имена двух скандально известных депутатов Верховного Совета и бывшего кандидата в президенты России генерала Малышева. Трое гостей из Москвы, Мясоедов и Кобрин (Алексей похолодел) подробно обсуждали план переворота. Шестым участником тайного совещания был командир гвардейского парашютно-десантного полка, размещенного в казармах на южной окраине города.

Депутаты объявили, что компромисс в верхах более невозможен. По их словам, в случае кризиса, кроме отдельных, как один из них выразился, прикормленных, частей МВД, защищать Ельцина никто пожелает. Чтобы полностью овладеть ситуацией, парламенту необходима силовая поддержка в виде хотя бы двух надежных, боеготовых армейских батальонов с техникой и вооружением.

Дальше слово на совещании взял Мясоедов. Он гаранти-

ровал быструю отправку одного батальона с заводского аэродрома. Второй батальон может выступить на Москву походным порядком, по федеральной трассе. Рабочие дружины блокируют областную администрацию, а появление вместе с ними нескольких бронемашин с десантом сразу отобьет у милиции желание сопротивляться. Тыл, таким образом, будет обеспечен.

Командир полка, за которого всё так лихо спланировали, сначала только слушал. Потом он завел речь о присяге, но без особой уверенности. Мясоедов напомнил ему об унижении армии, об офицерах, после вывода из Восточной Европы живущих с семьями в палатках. Последним аргументом стало личное обращение Малышева. Генерал заговорил о совместной службе и присяге, которую дают раз в жизни...

– Я слышу только двух абсолютно неизвестных мне людей, и всё – заявил Алексей, попросив Михаила Евгеньевича остановить воспроизведение. – Вы правы, это слишком серьезно.

Помощник полпреда, ни слова не говоря, сменил кассету и промотал пленку. Снова нажал Play.

– Вы клялись советскому правительству, а не этой банде! Вы боитесь их? Боитесь кого? Горького пьяницу? Кучку аферистов, придурков? Голубятню какую-то? – в пустом зале эхо разнесло и усилило резкий голос генерала, хорошо знакомый Алексею по телевизионным трансляциям.

– Больше нет сомнений?

Михаил Евгеньевич, обычно спокойный и добродушный, был собран и строг.

– Что дальше? – спросил Алексей.

– Вчера полпред информировал Москву.

– Реакция есть?

– Ожидаем.

– А военные?

– По их линии тоже тишина. Мы советовали вызвать полковника в министерство и заставить написать рапорт об отставке по состоянию здоровья. С начальником гарнизона такой номер не пройдет, он депутат.

– Он тоже с ними?

– Да. Но если поймет, что они раскрыты, может дать задний ход. Не все генералы такие боевые, как Малышев, и сейчас это к лучшему, – сказал Михаил Николаевич.

– Они назначили дату?

– Пока нет. Похоже, ждут первого шага от президента. Им выгодно изобразить из себя жертву.

– Первого шага? Он решится на роспуск съезда и Верховного Совета?

– Я не в курсе, – уклончиво ответил «серый кардинал» желтоватого дома.

– Если всё-таки решится, это тоже будет переворот, – задумчиво произнёс Алексей.

– С формальной точки зрения, да.

– Впереди новая диктатура, только прогрессивная?

– Борис Николаевич не диктатор, натура не та, – убежденно возразил Михаил Евгеньевич.

– Вы очень уверенно судите о бывшем секретаре обкома.

Помощник президентского наместника спрятал диктофон, вытащил носовой платок и тщательно протер очки.

– Читал «Пикник на обочине»¹⁹?

– Конечно.

– Мы обязаны сделать добро из того, что есть. Середины сейчас нет, и центризма нет, – обрубил Зимин.

– По губернатору ничего не меняется? – на обратном пути уточнил Алексей.

– Всё в силе. Дописывай статью и будь готов показать.

– А связь?

– С утра в понедельник по тому же номеру. Сам звони братьям.

– На выходных не ждете сюрпризов?

– На этих не жду. Даже на охоту поеду, – Михаил Евгеньевич впервые улыбнулся.

– Вы охотник? – поразился Алексей.

– Ещё какой! Я человек азартный, из-за этого даже в карты играть не сажусь. Но здесь друзья позвали, решил напряжение скинуть. И так на нервах постоянно...

---

¹⁹ Роман братьев Аркадия и Бориса Стругацких. Цитату из романа Роберта Пенна Уоррена «Вся королевская рать», которая в переводе с английского звучит «Ты должна сделать добро из зла, потому что его больше не из чего сделать», они избрали эпиграфом к своему произведению.

– Удачи! – Алексей крепко пожал ему руку.

В предбаннике возле милиционера переминался с ноги на ногу знакомый активист. При виде Алексея, выходящего из недр здания, он оживился и подскочил здороваться. Их год назад познакомил в редакции Станислав Петрович, с тех пор они встречались главным образом на митингах и пикетах. Активиста звали Василием. Он держал киоск с напитками и прочим колониальным товаром, а в свободное время выступал от имени православной общественности.

– Ты в Совете был? – спросил он взволнованно.

– В Совете тоже, – честно ответил Алексей.

– Я вот хочу на прием попасть, а не пускают! Запишусь, наверное, на круглый стол. Может, там вопрос задам, – пустился в объяснения Василий.

– Что за вопрос?

– Данью облагают.

– Рэкет?

– Нет, мэрия. Говорят, на комплексное благоустройство территории. Какое благоустройство, кто его видел? На улицах банановая кожура, пивные банки валяются. А по случаю дня победы демократии салют был.

– То в прошлом году, – заметил Алексей.

– Какая разница?

– Вы сами за демократию были, ездили Белый дом защищать.

– Кто же мог такое предвидеть? Национальному капиталу никакого хода нет, – сокрушенно молвил набожный предприниматель.

Алексей уловил противоречие между его словами и жизненной практикой, но не стал огорчать человека.

– В мэрию-то ходили?

Василий только рукой махнул.

– Что толку? Там вообще не слушать не хотят.

– Царю, может быть, сразу челом ударить? – не выдержал и съязвил Алексей.

– Нет у нас царя, – продолжал кручиниться активист. – Потому и порядка нет.

– Ну, а если круглый стол не поможет?

– Тогда не знаю. Убирать надо Ельцина, вот что!

– Как?

– Соборно, – Василий окончательно и бесповоротно переключился на патриотическую лексику.

– Через земский собор? – не понял Алексей.

– Собор – это потом, а сейчас только на Верховный Совет надежда.

– Совет отдаст власть собору? Добровольно?

– Да ну тебя, Алексей! Ты от других журналистов цинизмом заразился. А я, если потребуется, снова Белый дом защищать поеду, – твердо сказал Василий.

– Seriously?

– Конечно. Я же за справедливость!

Еле отвязавшись от православного общественника, Алексей быстрым шагом, почти бегом направился в сквер возле университета. Успел минута в минуту. Саша и Мэгги уже подходили с противоположной стороны. Они находились в явно приподнятом состоянии – пожалуй, даже светились от счастья.

– Привет! – выпалил он, невольно поддаваясь их настроению.

Саша, ответив, расплылся до ушей.

– Hi! – помахала ручкой Мэгги.

– Совет да любовь? – подмигнул Алексей.

– Soviet?

Мэгги могла бы основательнее подтянуть свой русский, подумал он. Хотя вряд ли они специально налегали на изучение языка.

– Когда в посольство?

– Первого октября, – сообщил Саша. – Сначала собеседование будет.

– Результат потом назовут?

– Обещали сразу.

Алексей сошелся с Сашей на археологической практике, раскапывая остатки древнерусского городища. Один только что вернулся из армии, а другой туда не попал, так как был на два года моложе. Саше реально помогли перестройка и гласность. Так же, как Максим, он был увлечен наукой, а еще

имел тягу к литературе, особенно к модному жанру фэнтези. Его мечтой было заткнуть за пояс мировых мастеров этого жанра, сочинив роман на основе славянского эпоса.

Мэгги присоединилась к ним на пятом году обучения. Её направили в загадочную, экзотическую Россию по обмену опытом из американского Балтимора. Саша с первого взгляда увлекся рыжеволосой наследницей ирландских пилигримов, и чувство оказалось взаимным. Теперь в планах у молодых людей значилась недельная поездка за океан, которую должно было увенчать знакомство с родителями мисс Фергюсон.

– Книжку пишешь? – спросил Алексей.

– Некогда, бумажки собирал. В аспирантуру тоже заявление отнес.

– Вы меня точно обскачете.

– А кто еще может?

– Макс.

– Видел его? – оживился Саша.

– Вчера повстречал. О Москве размышляет.

– Решился?

– Весь в сомнениях. Я на его месте тоже сомневался бы, – сказал Алексей.

– Зря, – беззаботно откликнулся его приятель.

– Ты молодой, тебе море по колено.

Саша засмеялся и ткнул его кулаком в бок.

– Знаем твою заслуженную старость!

– Правда, лень по чужим углам скитаться. Мне солдатской жизни лет на десять вперед хватило, – сознался Алексей. – Но к вам в гости прилечу, если позовете. Только сначала денег накоплю.

– Ко мне на трамвае можно, без пересадки, – поправил его Саша.

– Кончай темнить. Несолидно уже.

– Погоди, сглазишь.

Мэгги белоснежно улыбнулась и потербила Сашу за рукав.

– Блин, чуть не забыл! – ее жених расстегнул молнию на сумке. – На! Чужую дарю, пока свою не написал.

В руках у него появился трехтомник Джона Толкиена в мягкой обложке, переизданный год назад в США в карманном формате. *The Lord of the Rings* – блестящие тисненные буквы на корешках.

– От нас обоих, скорее даже от Мэгги, – отрекомендовал Саша.

– Да вы что, ребята...

– Не вздумай отказываться!

– Ну, спасибо громадное, – Алексей даже растерялся. – А мне вам и подарить так сразу нечего. Давайте обниму, что ли.

После ряда объятий и обоюдных обещаний непременно увидятся по завершении вояжа в Балтимор они, наконец, расстались. Алексей с полминуты стоял и смотрел вслед Саше и Мэгги. Те шагали по ковру из желтых и рыжих листьев,

держась за руки. Саша, как всегда, что-то горячо рассказывал. Мэгги беззаботно хохотала. Ее длинные волосы падали на плечи, касаясь элегантного рюкзака, с которым она год назад вошла в студенческую аудиторию.

– Ваш парламент не вполне легитимен, так как он избирался еще при Советском Союзе, – произнося эту фразу, переводчица точно скопировала интонацию.

Алексей понимал почти всё, что говорил его собеседник. Но старался не подавать вида и вежливо кивал, оставляя себе время на обдумывание.

– Нынешний президент России тоже был избран еще при Советском Союзе, в июне девяносто первого года, – аккуратно напомнил он.

Эксперт по избирательным технологиям удивленно вскинул брови. Похоже, никто из отечественных акул пера не использовал такой аргумент при общении с ним – возможно, постеснявшись. Мистер Келли уже завершал образовательный тур по регионам и сегодня должен был отчалить в Москву, а оттуда к себе в Лондон.

– Легитимность президента была подтверждена на референдуме в апреле девяносто третьего, – проговорила далее переводчица, донося до Алексея мысль мистера Келли.

– По действующему законодательству этот референдум подтвердил и легитимность парламента. Пункт о досрочных

выборах депутатов не набрал необходимого большинства²⁰, – заметил Алексей.

Брови англичанина взметнулись до середины лба.

– Вы симпатизируете оппозиции?

– Я обязан придерживаться фактов. Мне всегда казалось, что это обязан делать журналист из любой страны, – ответил Алексей по-русски, не став дожидаться перевода.

Переводчица вздрогнула от неожиданности, но перевела быстро и безукоризненно.

– Excuse me, – прибавил Алексей, дослушав ее.

– Do you speak English? – англичанин улыбнулся краешком рта.

– Just a little, – скромно ответил Алексей.

Договорились продолжать беседу в прежнем ключе.

– Реформы в России идут трудно. Чтобы успешно двигаться вперед, президенту и парламенту следовало бы придерживаться общего курса, – дипломатично вел свою линию мистер Келли.

– В демократическом государстве политики стараются договориться, не так ли? – Алексей подпустил яду в голос.

Эксперт с туманного Альбиона посмотрел на него проникновенно и печально. За ним незримо маячили «Великая хартия вольностей» и семь веков парламентаризма. Не гово-

---

²⁰ Конституционный суд установил, что для положительного решения этого вопроса требуется большинство голосов от общего числа избирателей. За досрочные выборы депутатов высказалось 67,2% явившихся, тогда как при таком «пороге» требовалось 77,9%.

ря о самой почтенной на планете конституционной монархии, которая до сих пор обходилась без писаной конституции.

– У вас еще очень молодая демократия. Когда-то мы тоже проходили через кризисы и революции, только потом научились договариваться. Сейчас я вижу, что ваши политики не стремятся к консенсусу, – сказал он.

– Но ведь надо же когда-то начинать?

Мистер Келли улыбнулся улыбкой всё понимающего человека.

– Sure.

– Про ваш институт иногда говорят, что вы обучаете агентов влияния. Можете как-то прокомментировать? – внезапно сменил тему Алексей.

– Мы не готовим агентов. На наши семинары может прийти любой человек любых убеждений, и нам неважно, к какой партии он принадлежит, и принадлежит ли вообще. Нам интересно передавать свои знания и опыт другим людям, потому что наш опыт применим только в условиях демократии.

– То есть, например, коммунисту или националисту он вряд ли понадобится?

– Если коммунист или националист захочет работать в рамках демократической системы, почему нет? Играя по ее правилам, он укрепляет демократию, – объяснил Келли.

– А если он использует эти знания для того, чтобы по-

том уничтожить демократию? Как Гитлер, который пришел к власти через выборы?

Переводчица без удовольствия глянула на Алексея. По ее мнению, он держался развязно перед именитым иностранцем.

– Сейчас это вряд ли возможно. Демократия и рыночная экономика доказали свою эффективность в соревновании с тоталитарными режимами, – невозмутимо парировал специалист по выборам.

Время, отведенное для интервью, истекло. Прихлебывая чай с лимоном, подданный королевы Елизаветы благодушно изрек:

– Вы так энергично спорили, что порой мне приходилось нелегко. Говорят, ваше издание поддерживает противников Ельцина, но я не могу в это поверить. Вы совершенно не похожи на них.

– По-моему, за или против Ельцина – это упрощенный подход, – искренне ответил Алексей. – Меня учили, что журналист должен сначала находить факты и только потом толковать их.

С белой завистью вспомнив японский диктофон Михаила Николаевича, он упаковал изделие завода электрических приборов и поднялся со стула. Уже завершив церемонию прощания с мистером Келли и его верноподданной переводчицей, добавил:

– Факты показывают более сложную картину. И еще я

очень не хочу крови, а она вот-вот может пролиться.

Покинув бывший дом политпросвещения, ныне преобразованный в бизнес-центр «Ахиллес», Алексей резво пробежался за троллейбусом, но не догнал его. На часах было шестнадцать двадцать девять. Предсказательница, наверное, переступала порог редакции. «Некрасиво получается, обещал ведь», – подумал он. Впрочем, выхода не оставалось, такси от дяди Коли больше не подавали к подъезду. Обычное же стоило дороговато.

В родную редакцию он попал в начале шестого. Для вечера пятницы там было на удивление многолюдно. Более того, витал дух настоящего ажиотажа. Надежда Ссылная, пребывая в хорошем расположении духа, бесплатно консультировала желающих. Возле нее уже образовалась очередь.

– Ты где бродишь?

– Я на интервью ходил. Об агентах влияния узнавал.

– Потерпят твои агенты! – Юля Абрамцева потащила Алексея за собой.

Предсказательница действительно оказалась довольно симпатичной женщиной лет тридцати пяти или тридцати семи. А, может быть, и сорока. Алексей по внешности плохо вычислял возраст. Ссылная отпустила главбуха Тамару Ивановну и с любопытством изучала новую жертву.

– Здравствуйте, – вежливо сказал Алексей.

Его никогда не учили общаться с существами из мира ча-

родеев.

– Ваш молодой человек? – игриво спросила предсказательница.

Юля заметно смутилась.

– Ну, не совсем мой...

– Я в другом смысле, – уточнила Ссылная. – Что ж, давайте попробуем.

– Мне присесть? – спросил Алексей, как на приеме в поликлинике.

– Не обязательно. Мне нужны дата и год рождения, а также точное время, когда вы родились, минута в минуту.

Коллектив, сгрудившийся позади Алексея, дружно затаил дыхание. «Надо было после англичанина домой ехать», – подумал он с запоздалым раскаянием. Но отступить было некуда. Время рождения он знал благодаря маме, и уверенно назвал его вместе с годом и датой. Коллеги выдохнули.

– Так, так, так, смотрим внимательно... Солнце в Тельце... Луна в Водолее... Меркурий в Близнецах, – быстро забормотала волшебница, набрасывая что-то на листке, ловко вырванном ею из записной книжки.

Алексею стало ужасно неловко, будто его попросили раздеться при всех. Юля даже вытянула шею, очевидно, пытается выведать секреты мастерства. Время вокруг словно сгустилось и потекло медленно-медленно. Наконец, предсказательница отложила ручку.

– Интересно у вас выходит, – заметила она.

– Что выходит?

– Я обозначила бегло, вы прочтете. Самое основное могу пояснить.

– П-поясните, пожалуйста, – у него вдруг едва не заплелся язык.

– Четко прослеживается определенная цикличность. Приблизительно раз в семь лет будьте готовы начинать новую жизнь.

– В профессии?

– Во всём. В работе, в личных, семейных отношениях. Переезды тоже возможны.

– Да не собираюсь я никуда переезжать.

– Соберетесь, – заверила Ссылная.

– А в ближайшее время что ожидается?

– Перемены. Очень много перемен, – с этими словами предсказательница вручила ему исписанный листок, давая понять, что сеанс окончен.

Диалог-5

– Мы тоже полностью готовы. Можете передать мои слова руководству.

– Спасибо, Юрий Константинович. Другого ответа я не ждал.

– Передайте еще, что при необходимости депутатский корпус может временно продолжить работу здесь. Условия мы создадим и безопасность гарантируем.

– Снова большое спасибо, но это будет сделано только в крайнем случае. Всё решится в Москве, вы сами это понимаете. Как наш полковник, ждет приказа?

– Будьте спокойны. Малышев на него прекрасно подействовал. Он не свернет с пути.

– Вы намеренно не стали приглашать его на эту встречу?

– Специалисты отсоветовали. Сказали, что не нужно лишних контактов.

– Есть повод опасаться?

– Мы подозревали утечку информации.

– И...

– Пока это лишь подозрения.

– Юрий Константинович, решается судьба страны. Ваши специалисты могут срочно разобраться, была всё-таки утечка или нет?

– Я сейчас же дам команду.

– Буду ждать информацию от вас. Воспользуйтесь резервным каналом связи.

– Вы имеете в виду...

– Да-да. Никаких телефонов, факсов и тому подобного.

– Понял.

Глава шестая

20 сентября, понедельник – 21 сентября, вторник

Длинные гудки раздавались один за другим. Алексей переминался с ноги на ногу в телефонной будке и тихо недоумевал. Киреевы упорно не брали трубку. Он взял обратно жетон, вышел, прикрыл за собой дверь с расколотым стеклом и направился в булочную. Купив там хлеб и батон, медленным шагом вернулся и позвонил снова. Результат был тот же. Минут двадцать назад, когда он выносил мусор и звонил в первый раз, на вызов тоже никто не ответил.

Всякое бывает, это жизнь, мысленно сказал себе Алексей. Вчера всё же выходной был. Опоздали, загуляли. Вообще, времени слишком мало прошло, чтобы делать выводы... Он остановился и посмотрел на пейзаж. Собственная успокаивающая интонация ему откровенно не понравилась. Местность по соседству с булочной была не особо оживленной. Впрочем, как обычно с утра в понедельник. Напротив, у пивного ларька, уже собирались люди, не занятые в сфере услуг или на производстве.

Эту картину он наблюдал великое множество раз, еще с детства. Ларек торговал бойко и ныне стимулировал клиентов популярной песней.

*– И пусть шмонают опера,
Мы пьем с утра и до утра,
Вагончик жизни покатился под уклончик...²¹*

Алексей рефлекторно пожал плечами и двинулся к дому. Можно было немного побездельничать или почитать что-нибудь, а потом собираться на планерку в редакцию. Перед выездом он мог бы позвонить Киреевым еще.

Засунув покупки в хлебницу, он понял, что не сможет просто сидеть и ждать. Бесплезно, и ни одна книга не поможет. Тогда план кампании круто изменился: сначала в мэрию и желтоватый дом за постановлениями, а затем в редакцию. В желтоватом доме он пойдет к Михаилу Евгеньевичу и пожалуется на братьев-предпринимателей. Статья о проделках народного губернатора написана и отшлифована. Пора вычитывать ее и утверждать для дальнейшего использования.

Лёня Иванов из «Привратника» был, как водилось у него, без сумки. Постановления мэрии он небрежно сложил вдвое и запихнул в боковой карман плаща.

– Как там ваш Станислав? Просвещенным патриотизмом занимается? – спросил он.

– Потихоньку, время от времени. Вы-то ликуете?

– С какой стати?

---

²¹ Автор текста неизвестен, исполнитель – Михаил Шуфутинский.

– Гайдар же снова в правительстве²².

– При Черномырдине? Ну-ну, – Лёня не скрывал своего скепсиса.

– Думаешь, так... депутатов подразнить?

– Я не исключаю.

– Сами как поживаете? Есть последние сплетни? – поинтересовался Алексей.

– Сплетни? Герман с Мариной расстался.

– У них серьезно было?

– Кто знает? Дружили долго.

– А что вы ее к себе не взяли? Она вроде способная.

Лёня хмыкнул.

– Пышкин увел из-под носа. У него спонсоры крутые, он сразу больше денег положил.

– Но Герман ведь имеет влияние на вашего шефа. Мог бы похлопотать, придумали бы что-то, – предположил Алексей.

Гера Козин отвечал в «Привратнике» за социальную тематику и писал авторские колонки. К нему в отдел приходило больше всего писем и по несколько раз в день являлись разнообразные ходоки. Марина из «Вечорки» с третьего курса журфака считалась его подругой, но в последнее время было слышно, что их отношения находятся в тупике.

– Не знаю, что у них получилось. Гера за себя просить не любит, – сказал Лёня.

---

²² О повторном назначении Егора Гайдара первым вице-премьером правительства России было объявлено 16 сентября 1993 г.

– Ладно, авось разберутся, – глубокомысленно подытожил Алексей.

– Разобрались уже. Гера с практиканткой теперь, с первого курса.

– Да ты что?

– А что особенного? Совершеннолетняя, можно практиковаться. У тебя как на личном фронте?

– Пусто пока.

– Не горюй особо. Сегодня пусто, завтра густо, – Лёня на правах старшего товарища покровительственно похлопал Алексея по плечу.

Звонок из мэрии, с бесплатного телефона для просителей, опять ничего не дал. На конспиративной квартире у братьев Киреевых по-прежнему никто не брал трубку. «Кто не спрятался, я не виноват», – пробормотал Алексей, покидая бывший купеческий особняк и держа путь к желтоватому дому. На площади под памятником Ленину одиноко дежурила бабка, собиравшая серебро и медь на ремонт мавзолея. Древко самодельного красного флага она воткнула в газон рядом с собой.

Постовой милиционер стоял на ступеньках парадного подъезда и курил. Машин у здания было мало. Предъявив корочки, Алексей поднялся на шестой этаж. У неприступного пресс-секретаря было заперто. Копии постановлений обнаружались, как и в прошлый раз, на столе в приемной гу-

бернатора. Секретарша с отсутствующим видом глядела в окно, телефоны перед ней безмолвствовали.

– Санитарный день сегодня? – пошутил Алексей.

– Что вы говорите? – не поняла она.

– Тихо слишком.

– Яков Александрович в командировке, – сообщила секретарша.

Ей, кажется, хотелось хоть с кем-нибудь перекинуться словом.

– А Маргарита Викторовна? Не заболела?

– Она тоже в отъезде.

– Вы не знаете случайно, Яков Александрович надолго уехал? – спросил Алексей, поддерживая разговор.

– Надолго. Он по обмену опытом.

– В Москву?

– Нет, дальше.

«А в среду сессия Совета. Без губернатора, значит. Интересно, это к лучшему или всё равно?» – попытался прикинуть он, но без толку. Ответ на этот вопрос, наверное, лучше знали организаторы заговора.

Попрощавшись с секретаршей, Алексей двинулся в полпредство. На территории, где властвовал президентский наместник, тоже не было заметно никакого движения. Почему-то не заливались телефоны, не скрипели факсы, не раздавались возбужденные голоса. «Что, и тут все разъехались? Куда?» – недоумевал он.

Дойдя до главного кабинета, Алексей по привычке постучался и потянул на себя дверную ручку. В приемной полпред сидела Мила. Она молча смотрела в пространство перед собой и даже не повернулась на звук его шагов. По ее щекам текли слёзы, тени под глазами поплыли. Вид у всегда яркой и жизнерадостной девушки был, мягко выражаясь, необычный.

– Мила, ты что? – тихо спросил Алексей.

Та взглянула на него и зарыдала, безнадежно и страшно. Слёзы хлынули на стол и на раскрытый ежедневник.

– Да что случилось?

– Михаил Евгеньевич, – едва выговорила Мила и закрыла лицо руками.

Алексей шагнул к ней и почувствовал, что ноги с трудом слушаются его. Он взял Милу за плечи.

– Милочка, ты не молчи...

Мила начала говорить, всхлипывая и вздрагивая. Всё стало понятно после первых слов. Михаил Евгеньевич погиб в воскресенье утром. Кто-то выстрелил в него из охотничьего ружья, и ранение оказалось смертельным. Как это произошло, было не вполне ясно. Рядом в тот момент не оказалось ни единого человека.

– Больше часа пролежал на земле, истек кровью. Это же заказник, лес. Пока нашли, донесли до машины, до больницы доехали... только начали готовить к операции, и умер. Он всё понимал, был в сознании до последнего, – рассказы-

вала Мила.

– Кто стрелял?

– Неизвестно. Там многие охотятся. Может, случайность...

– А может, нет?!

Мила зарыдала снова и уткнулась ему в плечо.

– Полухин знает? – спросил Алексей безжизненным голосом.

– Ему сразу позвонили, но он не успел.

Они молча стояли посреди пустой приемной. Пронзительно заверещал телефон. Надрывался он долго, но трубку никто не взял.

– Как же так, Лёша? – сказала Мила. – Почему он?

Алексей ответил ей не сразу. В глазах у него щипало. Он стиснул зубы, потом выдохнул через силу.

– Михаил Евгеньевич был хорошим человеком. Ты же знаешь, мы часто спорили и не всегда соглашались. Но мне было интересно с ним. Может, и ему со мной.

– Он о тебе всегда тепло отзывался, – Мила попробовала вытереть слёзы носовым платком.

– Когда хоронят?

– Завтра в одиннадцать. Ты приходи, я дам адрес.

– А как теперь семья?

– Шеф обещал, что поможет, – Мила смяла мокрый платок. – У него жена осталась и две дочки, одна еще школьница. Он говорил, что мечтал о сыне.

Планерка прошла, как в тумане. Алексей уселся в дальний угол общего дивана и за всё время не проронил ни слова. Станислав Петрович что-то уловил, но вопросов при всех не задавал. Юлия тоже почувствовала перемену в его состоянии. Она то и дело отвлекалась от обсуждения и бросала выразительные взгляды. Когда стали заявлять темы, и очередь дошла до Алексея, он через силу назвал интервью с англичанином и добавил, что хотел бы утрясти кое-что отдельно.

– У нас тут секретов нет, – начал было воспитательную работу Валерий Тихонович.

Шеф перебил своего зама.

– Отдельно так отдельно. Карпова, ты что молчишь? Где твой директор ЖЭУ?..

Как только всё закончилось, Юлия подскочила к Алексею.

– У тебя аура просто кошмарная. Ты здоров?

– Я да, – ответил он.

– Еще кому-то плохо?

Тут шеф махнул рукой в сторону выхода, избавив его от объяснений. Станислав Петрович проследовал в конец коридора, противоположный от импровизированной курилки, Алексей за ним. Узнав последнюю новость из желтоватого дома, шеф сдвинул брови.

– Жалко мужика. Пусть земля ему будет пухом.

Они помолчали. Коллеги наперебой галдели, дымя под распахнутой форточкой.

– Ждать твой материал? – шеф сунул в рот незажженную сигарету.

– Выясню сегодня.

– Давай, выясняй скорее.

Алексей дозвонился Киреевым только в половине четвертого. Для этого он сбегал на первый этаж, в ту коммунальную контору, которую соблазняла Карпова, и попросил соседей воспользоваться их телефоном. Услышав его голос, Дмитрий Никитич ответил только:

– На месте, – и положил трубку.

– Он слишком близко к кому-то подобрался, – уверенно заявил старший Киреев после того, как его брат врубил магнитофон с концертом «Жуков».

– К кому?

Задав этот вопрос, Алексей почти наверняка знал ответ. Братья, как ему показалось, правда были не в курсе истории с Малышевым и Мясоедовым. Или они блестяще владели собой.

– У него были разные поручения от полпреда, мы с ним не всё обсуждали, – сказал Георгий Никитич.

– Что будет дальше?

– Будем продолжать, – Дмитрий Никитич сжал кулаки.

Согласование заняло не очень много времени. Киреевы поправили кое-какие фразы в статье, при этом бывший вице-губернатор посоветовал:

– Пишите проще там, где можно. Людям надо разжевывать, чтобы поняли.

– В целом как, годится? – осторожно спросил Алексей.

– Нормально в целом. Легко читается.

– Спасибо.

– За что?

– За оценку.

Дмитрий Никитич только головой помотал. Его брат так же, как и в предыдущие разы, был сдержаннее. Он попросил Алексея перепечатать текст с учетом правок, а вариант с пометками, сделанными от руки, уничтожить.

– Для нашей общей пользы, – присовокупил он.

Старший Киреев потянулся к телефону, и Алексей почти утвердительно произнес:

– В такси опять? То же самое?

– Естественно.

– А на вопрос про дядю Колю... про Полухина, то есть, ответите?

Братья-предприниматели напряглись, как напрягались при любом упоминании этой фамилии.

– Задавайте, – буркнул Дмитрий Николаевич.

– Полухин ведь не сам по себе этим делом занимался, господин Жаров тоже был в курсе?

– Я, в общем-то, предполагал, что вы рано или поздно об этом спросите, – заметил Георгий Никитич.

– Так при чем тут наш олигарх и меценат?

– У Владислава есть кое-какие общие интересы с полпредом, – сказал младший брат. – Конечно, он этого никогда нигде не афишировал. Мы начали расследование сами, но быстро поняли, что без профессионала не обойтись. Обратились за помощью к Михаилу, тот – к своему шефу. Ну, а полпред попросил Жарова об услуге. Так появился дядя Коля, как вы его называете.

– Он на всех компромат ищет, лишь бы Жаров был доволен?

– Уже лишний вопрос, – отрезал старший брат.

– Я отвечу, но он точно будет последним. Ладно? – вмешался Георгий Никитич.

Алексей согласился.

– За этот год мы поближе познакомились. Коля с Мишей... с покойным Михаилом Евгеньевичем друг на друга были очень похожи. Азартом, жадой жизни, авантюризмом даже, – бывший вице-губернатор запнулся, подбирая нужные слова.

– Адреналина хотели?

– Вряд ли. Скорее, правды какой-то... или справедливости. Я понимаю, удивительно звучит, ведь Николай – человек из спецслужб, там хорошо мозги промывали. Но факты – вещь упрямая. Мне кажется, война его изменила. Он как-то сам обмолвился, что вернулся из Анголы²³ другим челове-

---

²³ Гражданская война в Анголе началась в 1975 г. Кроме регулярных армейских частей Кубы, Заира и ЮАР, наемников из разных стран, в ней до 1991 г. участ-

ком. Может, поэтому и с системой не ужился. Ответил вам?
– Думаю, да.

Операция стартовала в понедельник вечером, когда оппозиционер Слёзкин получил посылку с компроматом. Алексей догадывался, что кроме посылки неистовому депутату вручили кое-что еще. Он, как и условились накануне на конспиративной квартире, до ночи перепечатывал статью. Потом взял старую версию, порвал каждый лист на кусочки, а их дополнительно измельчил ножницами. Жечь, подобно Штирлицу, не стал, просто высыпал в мусорное ведро.

Утро вторника началось с печального события. На рассвете небо в очередной раз затянуло тучами, ощутимо похолодало. Дождь то начинал капать, то переставал. Во дворе дома, где жил Михаил Евгеньевич, было не протолкнуться. Проститься с ним пришло человек двести или еще больше. Алексей увидел знакомые лица депутатов из демократических фракций, сотрудников полпредства, журналистов. Явились и совершенно неизвестные ему люди – очевидно, товарищи или бывшие однокурсники.

Возле соседнего подъезда стояли Киреевы. Алексей не подал вида, что знает их. Об этом они тоже условились вчера. Церемонию задержали, ожидая полпреда. Представитель президента был напряжен, как натянутая струна, и бледен.

вовали советники из СССР (всего 10985 человек). Из них 54 погибли. Жертвы среди мирного населения оцениваются в 300-500 тысяч человек.

Летний загар словно слез с его лица. Он молчал и только смотрел на гроб с телом. Речи произносили другие: о том, каким добрым товарищем и замечательным работником был умерший, как любили и ценили его друзья и коллеги, как он сам любил и ценил их.

На кладбище выл пронизывающий осенний ветер. Ораторы говорили об ужасном стечении обстоятельств, о несчастье, о беде, постигшей всех. Но что произошло на самом деле в то воскресное утро? Алексей не был уверен, что когда-нибудь кто-то ясно ответит на главный вопрос.

Общий автобус довез его до центра. Он вышел на остановке у магазина «Часы», где всего неделю назад видел Милу с дядей Колей. Троллейбуса на горизонте не было, и Алексей настроился ждать.

– Молодой человек, вам куда?

Приоткрыв дверцу авто, к нему обращался таксист. Тот, который уже забирал его от панельного дома в новом микрорайоне – но на другой машине.

– Вам куда? – настойчиво повторил водитель.

Сейчас, по сравнению с двумя их предыдущими поездками, он был невероятно, просто потрясающе многословен.

Алексей назвал адрес редакции.

– Садитесь.

Станислав Петрович по-прежнему задерживался. Он выехал из редакции часа три назад с твердым намерением уви-

деть спикера областного Совета и всё-таки добиться понимания ситуации. Спикер вернулся из Москвы, так что пора было платить по счетам. Разумеется, фигурально выражаясь. Хотя не только фигурально.

В загашнике у Алексея лежало недоделанное интервью с мистером Келли, однако приниматься за него не было сил, да и желания. Кроме того, он никак не мог согреться после жуткого холода на кладбище. Конечно, можно было задержаться и выпить водки на поминках, но пить тоже не хотелось. Поэтому Алексей молча сидел за общим столом, которым пользовались корреспонденты, и разбирал содержимое сумки.

На самом ее дне ему попался листок, густо исписанный Надеждой Ссылной. Вся его жизненная программа в кратком изложении уместилась тут. Вечером в пятницу Юля лично исследовала эти письма, сверяясь с какой-то книжкой, которую притащила с собой, и призадумалась.

– Что там насчет совместимости? – поддел ее тогда Алексей.

– Нет ее, – грустно ответила Юля.

– С тобой нет?

– Вообще не видна.

– А с кем есть?

– Боюсь, ни с кем.

– То есть?

– Как бы это лучше объяснить? У тебя редкое сочетание

знаков Зодиака и планет, – начала она, подбирая нужные слова.

– Великим человеком стану?

– Великим вряд ли. Но выдающимся можешь.

– Может, просто видным? Знаешь, как раньше секретари ЦК были?

Юля нахмурилась.

– Ты зря смеешься. Люди твоей программы могут многого добиться, если захотят. По крайней мере, нищета им точно не грозит. Но в то же время они, в сущности, всегда одиноки...

– В профессию-то я не напрасно подался? – спросил Алексей, почему-то не захотев больше иронизировать.

– С профессией всё нормально. Она твоя.

Сегодня, разглядывая помятый листок, он с грустью подумал о том, что, возможно, предсказательница права. Ему вдруг захотелось позвонить Даше. Автоматический выход на межгород был только на телефоне редактора. Алексей переместился со своим стулом к столу шефа, отыскал в блокноте код с номером и набрал комбинацию цифр. Не меньше минуты слушал длинные гудки, пока не сообразил, что рабочий день в Норильске давно окончен.

Он поднял голову и повстречался глазами с Юлей, которая смотрела на него из угла напротив. В ее взгляде сквозила какая-то обреченность.

Хлопнула входная дверь на пружине, впуская Станислава

Петровича.

– Ну как? – сразу спросил Алексей.

Шеф махнул рукой.

– Не пойду больше.

– Почему?

– Так жизнь пройдет, и без толку.

– Опять не увиделись?

– Увиделись. Выскочил из кабинета на пять секунд.

– И что сказал?

– Попробуй угадать.

– На завтра перенес?

– На послезавтра. Дескать, завтра сессия, некогда. В приемной толпа. Как я вообще пробился, не знаю.

Алексей дал шефу отдышаться, выразительно поиграл бровями и достал из сумки заветную статью. Тот основательно уселся под портретом Михаила Сергеевича, почесал бороду, сдавил пальцами сигарету и погрузился в чтение. Прочел, потом перечитал снова. Открыл папку с материалами, тихонько подложенную Алексеем, полистал их, изредка останавливаясь для изучения.

– Со всем этим выступит депутат и сделает официальный запрос, – наклонившись вперед, очень тихо сказал Алексей.

– Я знаю, – перебил его шеф. – Пойдем, покурим.

Дымя под открытой форточкой, он продолжил:

– Не влипнем?

Алексею захотелось процитировать афоризм Киреева про

зубы и рот.

– Я так понял, федералы это подхватят.

– Да, каша заварится знатная, – Станислав Петрович покачал головой. – Фамилию твою оставляем под текстом?

– Мою.

– Ладно, пусть. Пан или пропал. Тихоныч завтра в типографии дежурит. Резервируем всю третью полосу, график сдачи подправим. Передай там, кому надо, что вопрос согласован, – тон редактора стал деловым. – На сессию пойдешь сам, вместо меня. С тебя контрольный звонок. Мне. Лично.

Мама разогревала ужин, когда по телевизору объявили, что в двадцать ноль-ноль выступит президент. Стоило Ельцину появиться на экране и начать говорить, как смысл происходящего дошел до Алексея в полной мере.

–...у нас есть шанс помочь России. Верю, что мы используем его ради мира и спокойствия в нашей стране, ради того, чтобы изгнать из России ту изматывающую борьбу, от которой все мы давно устали. Общими силами сохраним Россию для себя, наших детей и внуков! Спасибо.²⁴

В эфире назойливо зазвучал рекламный ролик про жева-

---

²⁴ Телевизионное обращение Бориса Ельцина вечером 21 сентября было посвящено подписанию президентского указа №1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации». В соответствии с ним полномочия народных депутатов РФ прекращались, Съезд и Верховный Совет подлежали роспуску.

тельную резинку со вкусом мяты. Алексей кинулся к телефону. У всех, к кому он пытался пробиться, было занято. Депутаты, их помощники, чиновники, партийцы всех мастей названивали наверх и друг другу.

Наконец, после полчаса тщетного нажимания кнопок, случилось соединение.

– Алло, слушаю! – скороговоркой ответил Фёдор Михайлович Кобрин.

Алексей, подлаживаясь под его темп, попросил сказать пару слов для газеты.

– Ситуация понятная, – мигом откликнулся Кобрин. – По моим данным, в настоящее время созывается чрезвычайное заседание Верховного Совета. Без сомнения, депутаты квалифицируют действия Бориса Ельцина как государственный переворот. Завтра утром наш областной Совет рассмотрит только один вопрос – о специальном обращении в связи с происходящими событиями.

– И что теперь будет? – не совсем по-репортерски вырвалось у Алексея.

Второй секретарь обкома был готов и к этому вопросу.

– Будет всё по конституции и по закону. После завершения процедуры импичмента обязанности президента Российской Федерации перейдут к вице-президенту Александру Владимировичу Руцкому.

Диалог-6

- Начальник его штаба и командиры батальонов сидят на базе СОБР²⁵. Взяли всех по месту жительства, без шума и пыли, потом передали с рук на руки.
- С полковником круто обошлись.
- Он первый за ствол схватился.
- Только не говори, что ты не справился бы.
- Что заслуживал, то и получил.
- Перебрали, Николай.
- Это им за Мишу.
- А водитель? Простой ведь солдат, срочник.
- Да, жаль парня. Но нам свидетели не нужны. Катастрофа – значит, катастрофа. Так надо было.
- Этот КамАЗ...
- ...в угоне значит. У меня всё четко.
- Ты же знаешь, что на Михаила навели другие люди.
- Знаю. С ними отдельно разберемся.
- Хочешь совет?
- Догадываюсь, какой.
- Лучше остановись. Погибших не вернешь.
- За совет спасибо. Но я не политик, мне такая мудрость

---

²⁵ Специальный отряд быстрого реагирования (СОБР) – подразделение в составе Управления по борьбе с организованной преступностью МВД России.

чужда.

– И я не политик, а выживать приходится.

– Каждому свое.

– Может быть. Хотя ты зря всё-таки из органов уволился.

Времена меняются, и мне в Москве свои люди будут нужны. Я сегодня забираю этих вояк и обратно улетаю, а ты подумай...

Эпилог

4 октября 1993 года, понедельник

Через силу одеваясь, Алексей продолжал смотреть телевизор. Танки, стоявшие на мосту, били прямой наводкой по Белому дому. При каждом попадании из окон вылетали и, как птицы, кружились в воздухе какие-то бумаги. На верхних этажах здания занялся пожар. Это была трансляция Си-эн-эн, выведенная на один из российских каналов. Что-то вещал журналист, но смысл его слов не доходил до Алексея.

Мама заглянула в зал и молча ушла в прихожую. Картинка на экране сменилась. Крутили кадры вчерашних столкновений на Крымском мосту и Новом Арбате, потом в Останкино. Показали бойцов «Витязя»²⁶ в полном облачении и грузовик, пытавшийся проломить проход в телецентр. Мелькнули боевики из отрядов оппозиции. В одном из них, с гранатометом на плече, Алексей узнал молодого человека, который стоял рядом с казачьим атаманом на митинге.

---

²⁶ Отряд специального назначения Внутренних войск МВД РФ, во время октябрьских событий 1993 г. охранял «Останкино». За выполнение этой задачи звание Героя России получили его командир подполковник Сергей Лысюк и рядовой Николай Ситников (посмертно). Всего около телецентра было убито не менее 46 человек, включая иностранных журналистов, и 124 ранено.

Планерка в редакции началась на час позже. Станислав Петрович явился минута в минуту к этому сроку, сменив свитер на пиджак. В нем произошла еще одна крутая перемена. Сегодня он побрился, и от густой славянофильской бороды не осталось даже следа. По его словам, в желтоватом доме только что прошло совещание с участием всех главных редакторов. Народный губернатор примчался туда из аэропорта и отдавал распоряжения одно за другим.

– Подписано постановление о роспуске областного и городского Советов, – ничего не выражающим голосом уведомил шеф. – Будем жить по-новому, готовьтесь.

– Кого еще распустят? – захотел выяснить корреспондент Лысенко.

– Пока не знаю.

Судя по цвету лица, шеф не спал всю ночь.

– Я слышал, на «Авиастрое» ОМОН, – подал голос Авдеев.

– Мясоедова не пустили на завод, – подтвердил Станислав Петрович. – Есть приказ министра о его увольнении.

– С прессой-то что?

Это был уже вопрос от Карповой.

– В каком смысле что?

– Ну, гайки закручивать будут? Мы вроде не очень за Ельцина были.

– Сказал же, не знаю! – рявкнул шеф.

– И как тогда работать?

– Учредителей обслуживать! Демократия кончилась.

– Каких учредителей, Слава? – почти шепотом спросила Светлана Анатольевна. – Комбинат в Кондопоге бумагу в долг больше не отгружает. Платить нечем.

– Я после совещания был у Маргариты, подал ей челобитную. Если получится, будет у нас новый учредитель.

– Кто?

Такое могла спросить только политически наивная Юля.

– Администрация области, – вместо шефа разъяснил Алексей.

Милицейская цепь отгородила площадь и желтоватый дом от соседнего сквера, где стоял памятник красному комиссару, по форме напоминавший унитаз. Вокруг этого произведения авангардного искусства теснились последние борцы с режимом. Казаков и рабочих «Авиастроая» среди них больше не было. Алексей, как ни старался, не разглядел и вождей обкома возрожденной компартии.

– Товарищи! – заклинал в мегафон кто-то из рядовых активистов. – Не сдавайтесь! Мы вернемся! Не забудем, не простим!

Алексей оказался единственным журналистом, который наблюдал крах городских «красно-коричневых». На площадь их не пустили, но и разгонять не стали. На лицах разбитых оппозиционеров читалась полная безысходность. Остаться не имело смысла. Подтвердив свои полномочия,

Алексей проник сквозь кордон милиции и ощутил совсем иную атмосферу.

Бывшую территорию оппозиции плотно оккупировали победители. Из динамиков неслись поздравления. Вместо трибуны сюда подкатили грузовик, на вид тот же самый, что верой и правдой служил Мясоедову. Теперь он был весь обтянут трехцветной тканью. «Чудится уже», – подумал Алексей, который тоже не спал минувшей ночью.

– Друзья! Последняя новость из Москвы! – разнеслось над площадью. – Белый дом взят! Путч подавлен, его главари арестованы!

Последние слова утонули в возгласах «ура» и рукоплесканиях.

– Что, сделали мы их?

Алексей узнал этот голос.

Перед ним стоял Киреев-старший. От предпринимателя-демократа пахло спиртным. Из-за плеча брата выглядывал Георгий Никитич, его глаза тоже подозрительно блестели. Их обоих он ни разу не видел с того самого вечера, когда большая политика начисто смела все местные интриги. Никто не выходил с ним на связь, не присылал таинственное такси, – заговор растаял, как дым. Областной «Уотергейт» не случился.

– Поздравляю, – ответил Алексей безразлично.

Последние тринадцать дней и особенно сегодняшняя развязка оставили не только ощущение физической усталости,

но и какой-то моральной пустоты. «Ты должен сделать добро из зла», – упрямо повторял он, но не чувствовал, что убедил сам себя. А старший Киреев что-то говорил воодушевленно, и он с трудом попытался прислушаться к нему.

– С этими ребятами дела точно пойдут, – уверял Дмитрий Никитич.

До Алексея дошло, что имеются в виду Гайдар с Чубайсом.

– А как насчет нашего губернатора?

Киреев осекся. Эйфория исчезла из его голоса.

– Обожди, не всё сразу. Он сейчас на коне.

– Сколько еще таких губернаторов на коне?

Вокруг них продолжали кричать и рукоплескать. С трибуны огласили заявление в поддержку президента, дружно подняли руки, а потом сразу, без перехода, врубили песню о корнете Оболенском и поручике Голицыне. Алексею показалось, что он действительно спит и видит сон.

– Вы простите, я никакой. Сил нет, чтобы радоваться, – сказал он.

Пожав братьям руки, он пошел дальше, лишь бы не оставаться на месте. Уже сгустились сумерки. На фоне оцепления Алексей заметил белое пятно и сбавил ход. Да, он не ошибся.

– Ты что здесь расследуешь?

Марина из «Вечернего города», по-прежнему в образе

блондинки, а еще в короткой светлой курточке, судя по ее лицу, тоже не испытывала эйфории.

– Привет. Послали вот, освещать буду.

– Как там Пышкин, новый офис вам не подыскал?

– Подыщет скоро, он умеет.

– Славно. Нас разгонят, я к вам приду, – пообещал он.

– Приходи, возьмем.

– Обещаешь, значит?

Алексей впервые за этот страшно долгий день рассмеялся.

Получилось неестественно.

– Вам, батенька, отдыхать надо, – посоветовала Марина.

– Выпил бы, да не тянет.

– Зачем обязательно выпивать? Можно в кино сходить, например.

– В кино? – удивился он. – А что там идет? Индийская драма? Или «Рабыни секса»²⁷ какие-нибудь?

– Иногда и «Рабынь» полезно посмотреть.

– Составляй компанию.

Сказав это, Алексей был готов попроситься. На самом деле ужасно хотелось лечь пластом и уснуть. Но у Марины, судя по всему, имелись свои соображения.

– Тогда бери билеты и звони завтра, – ответила она.

– Серьезно? – он на миг оторопел.

---

²⁷ Эротический детектив «Рабыни секса или девушки из Сен-Тропеа» (Франция, 1987 г.) об истории фотомодели, попавшей в руки торговцев «живым товаром».

– Да. Только на вечерний сеанс, а то мы номер сдаем.

– Вы же в пятницу выходите.

– Пышкин с типографией договорился, поменял график, – поделилась информацией Марина. – Будет спецвыпуск под названием «Прости-прощай, советская власть!»

– Молодец, подсуетился.

– Так что, идем?

Она смотрела на него в упор, и Алексей подумал, что взгляд у нее тяжеловатый.

– Можно сходить.

Послесловие

Июнь 2016 года

– Так и было на самом деле?

Алексей заглянул в ноутбук. Новых писем не обнаружилось.

– Ты же понимаешь, моя повесть – не автобиография и не отчет о проделанной работе, – начал он издали.

– погоди. Это я понимаю, – Максим упрямо поднял руку. – Но ты же человек опытный, что касается политики. Одних предвыборных кампаний сколько провел? Девять или десять?

– Девять или десять только в домашнем регионе. А, правда, сколько точно? Сразу не вспомню. Да, и вроде столько же на выезде.

– Так вот, о произведении твоём. Точнее, о его детективной, так сказать, составляющей, диалогах загадочных, под номерами...

– Я допускаю, что они могли иметь место, – сказал Алексей.

В кафе на Чистопрудном бульваре днем в субботу хватало свободных мест. Друзья расположились на громадном угловом диване с полосатыми подушками. Обед они съели, те-

перь ожидали второй чай и десерт.

– Реальность у тебя как детали конструктора? Верно?

– Скорее, как кусочки стекла в калейдоскопе. Одно движение, и всё меняется.

– Хочешь знать мое мнение о твоей повести?

Задав следующий вопрос, Максим потряс чайником над чашкой. Упала крохотная капля.

– Увы, – прокомментировал Алексей. – Господин профессор всё выпили-с.

– Так. Смеешься над моим новым статусом?

– Наоборот, уважаю.

Подросла официантка. Максим вежливо поблагодарил ее, налил из второго чайника себе и другу.

– Мне в принципе понравилось, – продолжил он. – Вижу, как ты трепетно к работе подошел. Я к СМИ отношения не имел, но атмосфера того времени, мне кажется, хорошо передана. Правда, есть вопрос...

– Насчет финала?

– Да. Сознательно оборвал?

– Был другой вариант, вроде краткого послесловия, – признался Алексей.

– Покажешь?

– Смотри.

Алексей открыл папку под названием «Всякое», отыскал нужный файл и повернул ноутбук дисплеем к собеседнику. Пока тот читал, он расправился с чаем и круассаном из сло-

енного теста с шоколадом.

– Пожалуй, я тебя понимаю, – Максим, завершив чтение, откинулся на подушки. – Из этого может еще одна книжка выйти. Или две. А губернатор со спикером красавцы.

– Оба теперь почетные граждане нашего города, – прибавил Алексей. – В отличие от бывшего полпреда.

– Другая эпоха настала.

– Или прежняя вернулась. Да и уходила ли?

– Нам казалось, что ушла, – поправился Максим.

– Дяде Коле тоже казалось.

– Он жив сейчас?

– Имеешь в виду реального прототипа? Не знаю, – Алексей придвинул к себе и отключил ноутбук. – Я пытался выяснить, но безуспешно.

– Жаров его сдал, да? Ну, прототип твоего олигарха? Я ведь раньше даже помнил его настоящую фамилию.

– Давай уж по-книжному их называть, а то запутаемся, – предложил Алексей. – На Жарова в девяносто четвертом очень крутые люди наехали, с московской пропиской. Он плюнул на всё, продал по-быстрому активы и свалил в Лондон. У него там кое-что было на черный день.

– Полухина судили?

– Нет, подержали в СИЗО и выпустили, – Алексей усмехнулся. – Теперь сложно в такое поверить, но прокуратура не пошла навстречу его бывшим коллегам.

– А в чем хотели обвинить?

- В незаконном хранении оружия. Подкинули домой пистолет и коробку патронов.
- Креативно, да, – оценил Максим.
- Было такое впечатление, что дядя Коля действительно сманил из конторы лучшие кадры, – согласился Алексей. – Те, кто брали его, даже обыск не оформили, как положено. Между прочим, за Полухина кое-кто из прессы вступился. Цитировали его открытое письмо генералу, начальнику областного управления безопасности.
- О чем цитаты были?
- О причастности руководства службы к октябрьским событиям.
- Ого.
- Да, кто кого...
- Твоя «Трибуна» вступилась?
- Моя «Трибуна» интервью с генералом напечатала. Про долг и совесть офицера, про беззаветное служение Отечеству. В заключение абзац о том, как один озлобленный человек пытался оболгать всех честных сотрудников. Обращение сотрудников к народу прилагалось, но без подписей.
- Интервью не ты брал? – поинтересовался друг.
- Принесли готовое.

Максим расплатился картой Bank of America, Алексей наличными. Снаружи, на бульваре, пахло прошедшей грозой. Огромную тучу сносило на север, к ВДНХ.

– Я из «Трибуны» уволился почти сразу после генеральского интервью. Конечно, не в знак протеста, просто так совпало, – говорил Алексей, аккуратно огибая лужи. – Позвали в «Вечорку», а еще через пару месяцев мы с Мариной поженились. Хотя ты же на свадьбе был, помнишь.

– Многие тогда удивились, – заметил Максим.

– Я и сам впоследствии удивился.

– Сейчас совсем не общаетесь?

– Совсем.

Обоим стало неловко, будто упомянули о чем-то стыдном.

– Если честно, я в свое время поразился твоему отъезду, – сказал Алексей. – Всегда считал, что ты непробиваемый домосед. Скорее уж Сашу мог представить в такой роли.

– Сашу до сих пор жаль, – Максим сочувственно вздохнул. – У него с Мэгги такая красивая история была, романтическая.

– Романтика их и подвела.

– В смысле?

– Я потом узнал, что Саше предлагали оформить приглашение от другого лица. Дабы отвести подозрения, что он хочет въехать в Штаты и остаться, – пояснил Алексей. – Саша не поверил, отмахнулся. Весь в эмпиреях был.

– Ничего себе...

– Есть и другая версия. Говорят, именно в те дни из Вашингтона прошла установка давать поменьше виз. Простое совпадение.

– Наплыва беженцев опасались из-за московского кровопролития?

– Чёрт их знает, чего они опасались. Твой Госдеп не докладывает.

Максим поморщился.

– У меня трудовые отношения не с Госдепартаментом, а с американским вузом, изучающим российскую историю двадцатого века. И вообще, они временные.

– Временные могут превратиться в постоянные.

– Ой, не загадывай, ладно?

Они пересекли проезжую часть по «зебре». Хозяйка дорогого авто притормозила и мигнула фарами, пропуская пешеходов.

– Мэгги могла бы как-то его понять, – пробормотал Алексей после короткой паузы, словно убеждая себя.

– Как? Она не хотела оставаться в России, – логично возразил Максим.

– Подождать, например.

– Сколько? В списке отказников можно годами болтаться.

– Тоже верно.

Говоря о Мэгги, Алексей вдруг вспомнил Дашу из Норильска. Он не сдержал свое слово той осенью, не позвонив ей ни разу. Она тоже пропала, будто ее не было никогда. Будто южные ночи, маяк на мысу, шепот в телефонной трубке по утрам приснились или привиделись ему. Или вообще были авторским вымыслом.

Друзья остановились возле фонтана, который журчал себе, невзирая на погодные условия. Максим спросил еще:

– Почему всё-таки «Повесть о свободе выбора»?

– Я раньше думал, что всегда смогу выбрать любой путь в жизни, – ответил Алексей. – Стоит очень сильно захотеть, и ветер будет попутным, понимаешь? Тогда, в девяносто третьем, он так дул в спину, что казалось – полечу.

– Теперь не думаешь?

– Теперь мне кажется, что это путь выбирает нас, а не мы его.

– Может, всё проще, и дело только в возрасте? – предположил Максим.

– Грядущая старость внутри меня?

– Про старость ты загнул.

– Двадцать три года, Макс. Двадцать три! Мы прожили почти столько же, сколько нам было тогда, – у Алексея чуть дыхание не перехватило. – Каждый из нас был уверен, что идет своим путем, а куда пришли?

– Ты сейчас точно про нас двоих или в масштабах страны рассуждаешь?

– Не вырывай из контекста.

– Тогда вот тебе мой ответ: по хорошим столичным кафе неудачники не шляются, – отшутился Максим.

Оба слегка улыбнулись.

– Я не о том, – Алексей запнулся. – Просто всё могло ина-

че сложиться.

– Тебе гражданка Ссылная писала программу?

– Писала.

– Сбылось?

– Не то слово. С пугающей точностью.

– Получается, ты знал заранее. Может, повлияло?

– Да не размышлял я об этом, когда жил! Хотя стоило, наверное.

Гром зарокотал очень далеко. Было по-прежнему пасмурно, однако повторения грозы вроде не намечалось. На мокрых дорожках сквера стали появляться люди, компаниями и поодиночке. Алексей достал смартфон и посмотрел, который час.

– Торопишься? – спросил Максим.

– Сам-то на рейс не опоздаешь?

– Ты прав, пора. Еще за чемоданом на вокзал, потом в «Шереметьево» добираться.

– А мне вечером в «Домодедово». Профессия зовет!

КОНЕЦ